

Южный федеральный университет
Институт филологии, журналистики и межкультурных ком-
муникаций ЮФУ
Северо-Кавказский центр ВШ ЮФУ
Нахичеванская-на-Дону армянская община
Ростовский областной музей краеведения
Донская государственная публичная библиотека

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ МАРИЭТТЫ ШАГИНЯН И СОВРЕМЕННОСТЬ

Материалы Вторых Шагиняновских чтений

3 апреля 2015 г.

Ростов-на-Дону
Фонд науки и образования
2015

ББК 84
Л – 64

Организаторы чтений:

Южный федеральный университет
Институт филологии, журналистики и
межкультурных коммуникаций ЮФУ
Северо-Кавказский центр ВШ ЮФУ
Нахичеванская-на-Дону армянская община
Ростовский областной музей краеведения
Донская государственная публичная библиотека

Л – 64 Литературное наследие Мариэтты Шагинян и современность. Материалы Вторых Шагиняновских чтений (г. Ростов-на-Дону, 3 апреля 2015 г.) Ростов-на-Дону: Изд-во Фонд науки и образования, 2015. – 95с.

ISBN 978-5-9906649-6-8

Книга содержит доклады и сообщения, сделанные на Вторых Шагиняновских чтениях, посвященных году литературы в Российской Федерации. В них представлены размышления авторов о разных аспектах богатейшего литературного наследия Мариэтты Сергеевны Шагинян и его влияния на современность.

ISBN 978-5-9906649-6-8

*Книга издана при финансовой поддержке
Генерального директора
ЗАО «Ростовгазаппарат»
Федора Захаровича Хачатуряна*

© Издательство «Фонд науки и образования», 2015

М.С. ШАГИНЯН (1888–1982)

ПРИВЕТСТВИЯ УЧАСТНИКАМ

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ЕЛЕНЫ ШАГИНЯН

Дорогие друзья!

На днях минуло 33 года со дня смерти Мариэтты Сергеевны Шагинян. С приходом новой эпохи имя М.С. Шагинян почти забыто, за исключением редких, незначительных переизданий. Поэтому нам, ее потомкам, особенно дорога попытка возродить (или хотя бы вспомнить) в контексте отечественной культуры и литературы в нашем новом мире, в новой исторической реальности литературное наследие Мариэтты Шагинян.

Примите глубокую сердечную благодарность от внуков и правнуков за доброе отношение к памяти и творчеству Мариэтты Сергеевны.

Особая наша признательность Николаю Степановичу Авдулову – инициатору и организатору Шагиняновских чтений.

**С пожеланием всем участникам здоровья,
радости жизни и творчества,
Елена Шагинян.**

ПРИВЕТСТВЕННЫЙ АДРЕС ПРАВЛЕНИЯ РРОО «НАХИЧЕВАНСКАЯ-НА-ДОНУ АРМЯНСКАЯ ОБЩИНА»

От имени правления РРОО «Нахичеванская-на-Дону армянская община» разрешите поприветствовать участников Вторых Шагиняновских чтений!

Уже второй год подряд в Ростове-на-Дону происходит процесс нового знакомства с творчеством публициста, писателя и выдающегося мыслителя своего времени – Мариэтты Шагинян.

Идея проведения Шагиняновских чтений принадлежит видному представителю науки, писателю и общественному деятелю Николаю Степановичу Авдулову. Он своими исследованиями жизни и творчества Мариэтты Сергеевны, без преувеличения, внес значительный вклад в переосмысление наследия нашей великой соотечественницы.

Говоря о творчестве Мариэтты Шагинян необходимо отметить, что она была одной из первых советских писательниц-фантастов.

Литературной деятельностью она стала заниматься с 1903 года. Начинала с символистских стихов. Опубликовала свыше 70-ти книг романов, повестей, рассказов, очерков, стихов. Ее перу принадлежит более 300 печатных листов статей, рецензий, докладов. За свою жизнь Мариэтта Сергеевна заслужила много государственных наград: среди них Герой Социалистического Труда, член-корреспондент АН Армянской ССР, Лауреат Сталинской и Ленинской премий.

Долгая творческая жизнь, прожитая Мариэттой Шагинян, была наполнена большими и малыми историческими событиями, о которых она всегда писала горячо и заинтересованно. «...уютный, маленький Нор-Нахичевань. Это был обособленный город, отделенный куском голой степи и мелкорослой искусственной рощей, называемой «Балабановской», от крупного портового Ростова-на-Дону...».

Именно так вспоминает Мариэтта Шагинян о Нахичевани, о том месте, где сегодня расположен музей Русско-армянской дружбы, и где сегодня проходят Чтения.

Еще раз разрешите поздравить вас с этим событием в жизни армян Дона и пожелать всем участникам, Вторых Шагиняновских чтений творческой и плодотворной работы.

**С уважением,
Депутат Законодательного Собрания РО,
Председатель правления РРОО
«Нахичеванская-на-Дону армянская община»
А.А. Сурмалян**

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

МАКСИМ ГОРЬКИЙ В ТВОРЧЕСКОМ СОЗНАНИИ МАРИЭТТЫ ШАГИНЯН

Т.О. Осипова, доцент ЮФУ

В статье, посвященной памяти Мариэтты Сергеевны Шагинян, Федор Абрамов писал: «Человек-уникум, человек-феномен. И это неправда, что только эпоха Ренессанса порождала людей-универсалов – Мариэтта Сергеевна из породы их» [1, с. 272]. Действительно, всё уникально было в этом человеке: и яркий писательский темперамент, и неиссякаемая жажда познания, и поражающая не одно поколение читателей творческое долголетие, победившее старость.

В ее произведениях мы находим исследование экономических и политических проблем современности, глубокое проникновение в тайны человеческой психологии, блестящее знание мировой культуры.

Многие высказывания М.С. Шагинян о литературе позволяют говорить о ней как о блестящем ученом-литературоведе. Далеко не случайно, что за монографию о Тарасе Шевченко ей была присвоена ученая степень доктора филологических наук.

Среди большого количества работ М.С. Шагинян о литературе существенное место занимают статьи, посвященные писателям века двадцатого: М. Шолохову, А. Фадееву, К. Паустовскому, В. Овечкину, Б. Полевому и др. Однако особое место в этом ряду, безусловно, принадлежит Максиму Горькому.

В статье «Наш Горький» (1951) она выделила две, по ее мнению, главные страсти, двигающие пером великого писателя: любовь и ненависть, А обратившись к пьесе «Егор Булычев и другие», убедительно показала, что эти чувства были присущи и лучшим горьковским героям. В образе Егора Булычева соединились, по словам М.С. Шагинян, ненависть к тискам, убивающим человека, и любовь к его «силе, таланту, к душевным крыльям и возможностям...» [2, т. 7, с. 101].

К личности Максима Горького, его творческому наследию М.С. Шагинян обращалась постоянно. В «Беседах с начинающими авторами» (1933–1953), размышляя о культурной ситуации начала XX века, именно Горького она выдвинула в качестве основной фигуры в писательской среде того времени. В статье «О советском очерке» (1954) обратилась к его заключительной речи на Первом съезде писателей. Список этот может быть продолжен. И всё-таки есть в творческом наследии М.С. Шагинян произведение, дающее полные сведения о том, какую роль сыграл в ее творческом сознании Горький. Это «Рождество в Сорренто», четвертый очерк цикла «Четыре урока у Ленина» (1968), названного автором «самой трудной, самой увлекательной книгой в моей жизни» [2, т. 6, с. 7].

Одной из главных тем «Четырех уроков у Ленина», представляющих собой цикл лирико-публицистических портретных очерков с сильным философским началом, является отношение В.И. Ленина к литературе и творчеству писателя. Эта тема раскрыта на материале его сложных отношений с Максимом Горьким. При этом история здесь тесно связана с современностью, строгий документализм с глубоким лиризмом и публицистической заостренностью.

В своих очерках М.С. Шагинян постоянно использует прием ретроспективного изображения. Взаимодействие двух временных пластов – прошлого и настоящего – приводит не к разобщению, а к тесной их взаимосвязи. Ретроспективный взгляд на прошлое, на время своей юности способствует более глубокому постижению эпохи. Именно так, через личные впечатления, повествует М.С. Шагинян о появлении в литературе М. Горького: «Приход его в литературе мне напоминает сейчас косые лучи солнца вечером, когда тень человека удлиняется и сам человек кажется гигантской фигурой. Он был ни на кого до него не похожий. От него веяло незнакомым человечеством, словно с другой планеты. Люди в его книгах были тоже огромны, по чувствам и характерам» [2, т. 6, с. 621]. Слово «сейчас» в данном отрывке далеко не случайно: именно с позиций сегодняшнего дня оценивает писательница сложную фигуру Горького. При этом воспоминания зрелого художника переплетаются с впечатлениями молодой девушки. В них заключены непосредственность, желание подражать своему герою: «Помню,

как всем нам хотелось бродить, помогать рождению человека на больших дорогах, греться у костров, своими глазами увидеть бедного калеку в ящике, собиравшего жуков, ...мир людей, о которых думалось с дрожью, но они высокой своей человечностью заставляли нас плакать, и слезы текли при чтении...» [2, т. 6, с. 621].

П. Басинский в своей книге «Горький» (серия «Жизнь замечательных людей», 2006) отмечал, что в советские годы существовала некая безоблачная «риторика» о дружбе Ленина и Горького. Затем, когда были возвращены «Несвоевременные мысли», «родилась демагогия другого сорта: о Горьком, якобы, противостоящем Ленину... Всё было проще и сложнее» [3, с. 327]. Согласимся с этим утверждением, с одним уточнением: именно М.С. Шагинян в советское время удалось, на наш взгляд, избежать подобной «риторики», передать всю сложность далеко не простых отношений между людьми, явно симпатизирующими друг другу.

П. Басинский обратил внимание еще на одну деталь в этих отношениях: письма Ленина Горькому каприйского периода (1907–1913) и письма Ленина Горькому послеоктябрьского периода (1919–1921) «по тональности своей почти не отличаются» [4, с. 628]. Опять же справедливости ради заметим, что одной из первых обратила на это внимание именно М.С. Шагинян.

Стремясь раскрыть всю сложность отношений между политиком и художником, писательница вводит документ, в данном случае письма Ленина Горькому, в ткань повествования. При этом документ нужен ей как толчок, как основа для размышлений. Именно с этой целью вводит она отрывок из ленинского письма от 25 февраля 1908 года. Кроме М.С. Шагинян этому письму уделил немало внимания В. Катаев в повести «Маленькая железная дверь в стене». Но он избежал его прямого цитирования, представив материал письма в виде диалога между Лениным и Горьким, т.е. художественно трансформировал документ. М.С. Шагинян же не столько изображает, сколько исследует событие. Прежде чем привести цитату из этого документа, она делает краткий исторический экскурс: в разгар борьбы с «впередовцами» Горький прислал в газету «Пролетарий» статью, излагающую взгляды только одного – богдановского течения. Далее следует отрывок из ленинского письма: «Я не знаю, конечно, как и что у Вас вышло бы в целом. Кроме того, я

считаю, что художник может почерпнуть для себя много полезного во всякой философии. Наконец, я вполне и безусловно согласен с тем, что в вопросах художественного творчества Вам все книги в руки и что, извлекая этого рода воззрения и из своего художественного опыта и из философии, хотя бы идеалистической, Вы можете прийти к выводам, которые рабочей партии принесут огромную пользу» [2, т. 6, с. 597]. Далее идут размышления самой писательницы о том, что художник, создавая образ, должен осваивать почву, питающую его, должен обладать знаниями о нем вплоть до «самоперевоплощения».

Эта же мысль звучит, по мнению писательницы, и в письме от 31 мая 1919 года, в котором Ленин советовал Горькому «радикально изменить обстановку, среду и местожительство», чтобы увидеть то, что принесла революция [2, т. 6, с. 639]. В этом письме М.С. Шагинян увидела не только различие в «способах самовыражения», как писал В. Маяковский, между художником и политиком, но и их принципиальное отличие в оценке происходящего. Всё то, что волнует писателя – «зря разбитые стекла», «выстрелы и вопли из тюрьмы», «сотни жалоб от обиженных» – всё это, по мнению писательницы, несущественно для Ленина, видится лишь «в потоке ослепляющего света Грядущего», во имя которого можно пожертвовать настоящим. Горький же, в эти дни «принимающий всеми нервами, всем восприятием художника... стоны, страдания» [2, т. 6, с. 649], не может смириться с этим, становится не только полпредом всех страдающих, но и собирателем всего лучшего, талантливого, что осталось после революции в России.

Думается, никто, ни *до*, ни *после* М.С. Шагинян, не передал весь драматизм этих отношений, завершившихся трогательной предсмертной «встречей памятью». В связи с этим М.С. Шагинян приводит два письма Н.К. Крупской М. Горькому и отрывок из воспоминания «одного из самых тонких и умных врачей физиологов» А.Д. Сперанского, дежурившего у постели умирающего писателя. В своих письмах Н.К. Крупская пишет о том, что незадолго до смерти Ленин попросил прочитать горьковскую статью о нем 1918 года: «...стоит у меня перед глазами лицо Ильича, как он слушал и смотрел в окно... Итоги жизни подводил и о Вас думал» [2, т. 6, с. 604].

А через двенадцать лет умирал Горький и, по словам Сперанского, вспоминал свою первую встречу с Лениным: «Увиделись мы в Петербурге, не помню, где (М.Ф. Андреева свидетельствовала, что первая встреча произошла в редакции газеты «Новая жизнь»), сначала как-то всё не шло у нас, а потом посмотрели мы друг на друга повнимательней... и обоим стало легко» [2, т. 6, с. 604].

Как видим, сложная, во многом драматическая фигура Максима Горького, «с его кажущейся наивностью, а в то же время с его удивительной верностью своим убеждениям» [2, т. 6, с. 633], неизменно привлекала М.С. Шагинян своей творческой и человеческой значимостью. Она постоянно ощущала «неуходящую близость» писателя и его творений нашему времени.

Литература

1. *Абрамов Ф.* Памяти Мариэтты Сергеевны Шагинян. Цит. по: Осипова Т. "Феномен, именуемый Мариэттой Шагинян" // Люди земли донской. Ростов-на-Дону, 1983.

2. *Шагинян М.С.* Собр. соч. в 9 т. М., 1971–1975. Здесь и далее вслед за цитатой в скобках указаны том и страница данного издания.

3. *Басинский П.* Горький. М., 2006.

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ «ЗАРУБЕЖНЫХ ПИСЕМ» М. ШАГИНЯН

Н.И. Стопченко,

доктор культурологии, профессор, ДАНЮИ им. Ю.А. Жданова

«М.С. Шагинян – человек-феномен, человек-уникум».

Федор Абрамов

В богатом творческом наследии М.С. Шагинян – универсально-го мастера пера – «Зарубежные письма» (1964) выделяются своим особым культурологическим и социологическим наполнением, чему способствовал всплеск жанра путевого очерка в литературе XX века, связанный с повышением интереса к историческому, культурному и духовному опыту других народов [1]. Автор не просто горячо и заинтересованно описывает послевоенные, во всей слож-

ности социокультурного процесса страны Западной Европы, где ей довелось побывать, – она глубоко исследует *духовную жизнь народов*, тогдашнее состояние искусства, науки и техники, рассказывает о выдающихся деятелях национальных культур, увлеченно работая в архивах, библиотеках и хранилищах разных стран.

Знание иностранных языков, близкое знакомство с культурой Запада, незаурядная эрудиция М.С. Шагинян, рассыпанная фейерверком в «Письмах», представляющих собой интереснейшее литературное явление в ее огромном наследии в целом. Вдохновенный талант художника, научный подход и опыт публициста, широта интересов и горизонтов позволяют создавать впечатляющие портреты выдающихся деятелей литературы и искусства, панорамные картины городов и достопримечательностей. Сказанное объясняет ее беспокойную страсть к поездкам и путешествиям, к общению со множеством людей многих культур. Она увлекательно повествует об отдельных страницах истории разных народов, философски размышляет об их многовековых духовных связях, обращается к теме преемственности культур, описывает всё новое, что есть в каждой посещаемой стране, ее достижения и результаты экономического и политического развития. У М.С. Шагинян впечатляюще точный, зоркий взгляд, умеющий в интересных ярких ракурсах выявить непреходящее значение того или иного культурного феномена. Известный писатель Лев Никулин справедливо отметил упомянутые качества: «В превосходном и умном писателе Мариэтте Шагинян всегда жило страстное желание идти вместе с жизнью, с современностью. Отсюда – ее любовь к очеркам, путевым заметкам. Мариэтта Сергеевна поражает читателей поэтичностью и вместе с тем обилием познавательного материала в своих очерках, точными и верными портретами людей, о которых она пишет» [2, с. 8].

Специфика проблематики очерков определяется тем, что их художественно-публицистическую ткань М.С. Шагинян подняла на новый уровень в большой литературе, углубила и расширила жанровую структуру путешествия, приспособив ее к решению новых задач. Благодаря присущей художнику гражданской и творческой активности, она всегда находилась в гуще идейно-эстетических исканий и социокультурной жизни не только своей страны, но и зарубежья. Данное обстоятельство позволяет видеть в ней *провод-*

ника всечеловеческой культуры, в чем убеждают нас многие ее произведения, в том числе «Зарубежные письма». «Красота – и та нить времени, которую зовут историей, и людитворцы, неутомимо создающие материальный и духовный мир, как пчелы в улье нашей планеты Земли, – напоминает М.С. Шагинян современникам и потомкам в очерке «На «Волге» по Франции». От того, что так много сохранилось следов их непрерывной деятельности, вы вдруг начинаете конкретно представлять себе слово «человечество» не суммой всех тех, кто живет сейчас, сию минуту, а суммой всех, живших в веках и обреченных жить в будущем» [1, 6, с. 19]. И она дает глубокий историко-культурный срез духовной жизни от далекой античности и средневековья до современности. Там находят свое место не только практичный путеводитель по французским городам и весям, но и самый впечатляющий спектр деятелей культуры: даны творческие портреты живописцев Ж.-Ф. Милле, Т. Руссо, Ж.-Б. Греза. Не забывает родоначальника французского и европейского реализма Ф. Стендаля, достопримечательности музеев Гренобля и Фонтенебло, горько памятное кладбище Пер-Лашез, потрясающую личность Альбера Швейцера с его концепцией «благоговения перед жизнью»... Автор «Писем» неизменно верна своему стремлению сопрягать прошлое с настоящим, историю культуры с настоящим днем. Не случайно в своих более поздних мемуарах «Человек и Время: История человеческого становления» (1980) она исповедально отметит: «Мне всегда и всюду, при всех обстоятельствах хотелось понять, и это желание понять стеной стояло между мной и стихийным процессом жизни» [1, 1, с. 202-203].

Оригинален ее подход к изучению зарубежных культур. «Знать страну, – убежденно полагает М.С. Шагинян, – это, значит, уметь ее представить себе, закрыв глаза. Всю целиком, объемно и зримо, географически и живописно, в отдельных частях и контурах. Так я могу, например, представить себе Британские острова от шотландских озер до седой пены волн у скалистого берега ЛэндсЭнда... Понять Англию помогают сами англичане, издавая, как нигде в другой стране, подробнейшие справочники о себе» [1, 6, с. 9]. Широкое использование автором содержательных предтекстов содействует созданию яркого образа той или иной европейской страны, придает известный лиризм повествованию. Дополняя мозаику со-

циальной и культурной жизни Великобритании, писательница увлекательно знакомит нас с историей становления и спецификой заседаний ПЕН-клуба, проблемами английского кинематографа и многовекового «шекспировского вопроса»... С присущим ей живым интересом ко всем культурным артефактам Лондона в цикле «Английских писем» и изумительном владении мастерством рассказчика, М.С. Шагинян увлеченно повествует об увиденном, прочитанном и услышанном на британской земле, предлагая к осмыслению на редкость мощный культурный пласт, не оставляющий никого равнодушным.

«Вы можете прекрасно знать английскую литературу, наглядиться на сотни «видов» в кино, в альбомах, в книгах, и всё же первая встреча с Англией потрясет вас своей новизной», – заверяет она читателя [1, 6, с. 136]. И на протяжении всех «Английских писем» автор вносит всё новые и новые красочные мазки в емкую панораму английской культуры и английского характера. «Все противоречивые качества англичанина, создавшие ему репутацию необыкновенной замкнутости, сочетаются в английском народе с удивительной, сердечной приветливостью... Вот эта искренняя приветливость простого народа Британии и создает, как мне кажется, вместе со всеми перечисленными выше факторами, ту атмосферу простоты и удобства, в какой вы начинаете себя чувствовать на английской земле» [1, 6, с. 140-141]. Едва М.С. Шагинян ступила на британскую землю, как ей пришлось буквально попасть «с корабля на бал» – на проходивший в те дни в Лондоне очередной конгресс ПЕН-клуба, представлявший для нее, писательницы старшего поколения, немалый интерес. Впечатляюще раскрывая историю его создания как «аполитичного» в пожеланиях признанных мэтров английской литературы Дж. Голсуорси и Г. Уэллса, она заинтересованно описывает сам ход заседания и его маститых участников, фиксируя ловкие попытки втягивания ПЕН-клуба в идеологическую борьбу, что не помешало ей оценить конгресс как в целом интересный и содержательный.

Углубленно знакомясь с культурной жизнью Лондона, М.С. Шагинян восхищалась специфическим театральным миром английской столицы, уделяя повышенное внимание знаменитому «Ковент-Гардену», национальным особенностям и достижениям

английского кинематографа, связанными с блестящей игрой актеров и успешной экранизацией романа Ч. Диккенса «Записки Пиквикского клуба». Но особое человеческое и писательское отношение ее к «крупнейшему поэту мира всех времен», которому она посвящает отдельную главку «Шекспир глазами нашего времени», открывая новые грани восприятия. «Не сыном мнимого «золотого века», а сыном бурного, исполненного огромных контрастов, беспокойного времени, когда начинала складываться и мощь, и бессилие, и богатство, и нищета Англии, был Уильям Шекспир. И лишь такое бурное время, а не мертвое царство мнимого всеобщего благоденствия могло напитать могучее творчество величайшего поэта той изумительной жизненной силой, какой дышат его творенья, не только не постаревшие за четыреста лет, но ставшие еще более нужными, еще более близкими нашему времени» [1, 6, с. 215]. И далее следует талантливый экскурс по его знаменитым трагедиям. Затрагивает она и «шекспировский вопрос» с позиций убежденной «стратфордианки». Якобы «само время, само углубленное изучение Шекспира наносит сокрушающий удар, отбрасывая легенду как абсолютную нелепость: легенду о том, что «биография» Шекспира не подходит к гению его произведений и, значит, надо их приписать другим, «более подходящим лицам». И делает прозрачный намек: «недаром легенда эта родилась за океаном, в стране без культурных традиций» [1, 6, с. 218]. Но концепция «стратфордианцев», как показали исследования многих шекспироведов, на сегодня не выдерживает критики!

Безусловно, к Шекспиру-драматургу и поэту относится емкая характеристика деятелей Возрождения как «титанов по силе мысли, трасти и характеру» (Ф. Энгельс). Его *титанизм* – в необычайной глубине раскрытия противоречий своей сложной эпохи, отразившихся в характерах его героев с их страстями, исканиями, сомнениями, провидением будущего, в показе того, как несправедливый общественный порядок извращает «дивное создание» – человека – и как человек всё же оказывается способным победить все мерзости и несправедливости жизни. Скудость сведений о Шекспире дала повод к возникновению в середине XIX века гипотезы, согласно которой автором 37 пьес, двух поэм и 154 сонетов был не актер Уильям Шекспир, а какое-то другое лицо, по неизвестным

причинам пожелавшее скрыть свое имя. Так рождался «шекспировский вопрос», вылившийся в длительный спор «стратфордианцев» и «антистратфордианцев», опирающийся на огромный разрыв между «содержанием произведений Шекспира и его бытием». Впервые ответ на этот вопрос дал ученый секретарь Шекспировской Комиссии при Российской академии наук И.М. Гилилов в монографии «Игра об Уильяме Шекспире, или Тайна Великого Феникса» (М., 1997), но только через пятнадцать лет после ухода М.С. Шагинян.

Шекспировская тайна сродни тайне Атлантиды. Шекспир, оказалось, есть огромная загадочная страна, терпеливо дожидаящаяся более двух веков извлечения на свет своих погребенных под слоем неизвестности сокровищ. Благодаря этой книге загадочная страна «Шекспир» начинает «всплывать» из глубин неизвестности. Автор ее хорошо знает историю «шекспировского вопроса», т.е. проблемы авторства, и потому выбрал единственно верный путь – научный. Можно утверждать, что это уже не версия, а сама *разгадка*. При всей научности книги И.М. Гилилова, доказательности каждой фразы документами и фактами, собранными прежними поколениями исследователей и более всего ее автором, – никакой другой ответ на вопрос об авторстве шекспировских произведений нам не представляется возможным. Величайшая в истории *мистификация*, как доказал И.М. Гилилов, проделана семейной парой Роджером Мэннерсом, графом Ретлендом (1576-1612), и Элизабет Мэннерс, графиней Ретленд (1585-1612). Человечество и впредь будет пользоваться именем «Шекспир», но при этом знать, кто стоит за ним... «Шекспир вросся в плоть и кровь человечества, он составная часть всей культуры», – правомерно констатирует М.С. Шагинян [1, б, с. 223].

Двухмесячная поездка по десяти городам Италии, этой «бесмертной жемчужины художественных сокровищ», дала возможность М.С. Шагинян навсегда запомнить лик страны, любимой всем человечеством за красоту природы, горячий и открытый нрав народа, дивные шедевры искусства, собранные в её музеях. С Италией Россию связывает многовековое духовное общение: богата галерея имен знаменитых итальянских и русских зодчих, живопис-

цев, музыкантов, певцов, ученых, творческие судьбы которых взаимно пересекались.

Каждый город – будь то Флоренция, Милан, Болонья, Неаполь, Падуя или Верона – как «стихотворение, о котором хочется сказать, что оно единственное. Вот Парма – город музыки, родина дирижера Тосканини, место жизни и творчества Верди, погребения Никколо Паганини», – растроганно пишет тонкий знаток итальянской культуры [1, 6, с. 245]. Яркие и колоритные штрихи сделаны ею в мозаичной панораме: незабвенные творения Л. да Винчи, работа итальянских актеров в европейски известном театре Э. Де Филиппо, эстетическая оппозиция традициям художника с армянскими корнями Г. Шилтяна, думается, дополняют информацию даже содержательных официальных путеводителей.

«Не знаю, какую другую страну можно полюбить так сразу, как Голландию», – интригующе заявляет М.С. Шагинян об очередной стране своего паломничества. И не давая прямого ответа на сие утверждение, она подводит нас к мысли, что истоки этой симпатии – в богатых культурных связях России и Нидерландов-Голландии, иачиная с посещения ее Петром Великим (1697) и памяти о нем по сию пору в провинциальном городке Заандаме. «Я ехала в олландию, чтобы взглянуть на нее глазами Петра» [1, 6, с. 322, 328]. Поклонница красот как европейского юга, так и северной Европы, вдохновенно описывает многовековую борьбу нидерландцев за отвоевание земли у моря и ее трудолюбивого освоения восхищается культурой выращивания знаменитых тюльпанов, интригует любителей нидерландской живописи малоизвестными страницами творческой биографии Рембрандта-рисовальщика...

Прагу, убеждает нас М.С. Шагинян после «счастливый скитаний» (а сколько их было во всей Европе!) по столице Чехии, можно увидеть и услышать только «при долгом, многодневном странствовании по камням этого единственного в мире города, ...потому что мертвых камней в нем не было» [1, 6, с. 392-393]. И далее следуют восторженные дифирамбы Златой Праге, ее улицам и площадям, трудолюбивому чешскому народу, овевянному «духом музыки» как «вторым языком человечества» и внесшему свой вклад в создание великой славянской культуры. Она представлена многообразным и плодотворным вниманием армяно-русского ученого к педагогиче-

скому наследию Я.А. Коменского, творчества «чешского Моцарта» И. Мысливчека, возвращенного ею на оперную сцену своей родины и остального мира, многих другим известных и малоизвестных талантов из народа.

Колоритная личность создателя сатирического эпоса о Швейке Ярослава Гашека (1883-1923) вызывает у нее профессиональный интерес, в первую очередь тем, что именно в революционной России произошел коренной перелом в его мировоззрении, а сатира стала конкретной и беспощадной, ирония сменилась сарказмом, гипербола и гротеск помогали глубже вскрывать общественные проблемы. Решающее значение возникновении образа Швейка имели антимилитаристские воззрения Я. Гашека, его оппозиционное отношение к монархии, знакомство писателя с молодым пражским ремесленником Йозефом Швейком (1892-1956), ставшим его другом и давшим некоторые черты и имя герою. Как творческая личность М.С. Шагинян поражена небывало сложной судьбой и таланте» чешского собрата по перу – писателя-сатирика и юмориста публициста, поэта, создателя сатирического эпоса о Швейке, участника Первой мировой войны (1915) с добровольной сдачей в русский плен, члена РКП(б) и службой в Красной Армии, обладателя исключительной работоспособности: он написал за короткую жизнь свыше 1200 многожанровых произведений... Гашек шел в писательском созревании от глубокого знания народной жизни, ассимилировал и включал в свое творческое мышление труднообозримое богатство народного юмора – яркой формы комментария к жизни. Он импонировал М.С. Шагинян-философу в русской традиции, прежде всего, тем, что в высшей степени обладал способностью видеть противоречия в самых различных проявлениях поведения людей – необходимого условия юмора и сатиры. В «Похождениях бравого солдата Швейка во время мировой войны» (1923, не окончен), вершине реалистической сатиры, проявляется комическое отрицание с «шутейным сопротивлением», близким карнавальному действию (М.М. Бахтин). Исключительную силу роману Я. Гашека придал гениально найденный образ главного героя, в котором сконцентрирован тип народного сознания, характера и менталитета. Мировой успех выпал на долю романа о Швейке, связанным с процессом углубленного реализма XX века, обогащением

его развития в жанровом отношении, фиксирующим создание единственной сатирической эпопеи такой художественной и идейной значимости. Чешский писатель, полагает М.С. Шагинян, создал художественный тип такой глубины и масштабности, который по праву занял свое место в пантеоне вечных образов мировой литературы: бессмертный образ Швейка вобрал в себя народную мудрость, глубину философской мысли и человеческих чувств, широту художественных замыслов и пластичность изображения.

Бросается в глаза неугасимая жажда автора «Писем» в *познании современного мира*, стремление собрать и сберечь реалии времени в каждой национальной культуре, характерные детали и подробности событий, пронизательно осмыслить и зафиксировать всё происходящее на европейском континенте сегодня, на глазах у современников, не дать исчезнуть или потеряться конкретным фактам исторического процесса.

Немецкая культура занимает особое место в духовном мире, личной жизни и биографии М.С. Шагинян, по-прежнему поражающей поэтичностью и обилием познавательного материала в своих очерках. «Много, много лет назад – в конце июля 1914 года – я впервые побывала в Веймаре. Я шла туда (почти четыреста километров!) пешком из Гейдельберга, где готовила свою магистерскую диссертацию. И было это мое путешествие паломничеством, *поклонением Гёте и гётеанству*, основным для меня духовным учителям и воспитателям» [1, 6, с. 310]. Прошлое и настоящее культуры немецкого народа, судьбы двух, тогда соперничающих, германских государств (1949-1990) и выдающихся представителей многовековой культуры постоянно в поле зрения многих страниц «Зарубежных писем», составляющих настоящую эклогу... Здесь увлекательное повествование о знаменитой Лейпцигской ярмарке с постоянными экскурсами в мировую историю, о музеях великих поэтов и музыкантов И. Гёте, Ф. Шиллера, Ф. Листа, И.С. Баха в Веймаре, – ставшего в свое время духовным центром Германии, о крупном оптическом производстве в Йене, о блистательных творениях Л. Бетховена и бетховенских фестивалях... Многоплановое использование разнообразных деталей предусматривает усиление объемности изображения, воссоздания духа времени и характеристики героев. Правомерно философское утверждение М.С. Шаги-

нян: «Время – гибко, оно растягивается. Впечатления ложатся в короткие сроки более компактно, более близко друг к другу, и картина путешествия становится полотном, густо насыщенном деталями» [1, 6, с. 501]. Выдающимся деятелям национальных культур, внесшим в мировой багаж свое творческое видение мира, свои неповторимые образы и краски, верность высоким идеалам М.С. Шагинян уделяет особое место, создает о каждом из них своеобразные мини-главки, завершающие тот или иной из ее зарубежных циклов. Своеобразие ее публицистики заключается еще в том, что каждое «Письмо» способно вбирать в себя несколько самостоятельных жанровых дефиниций, основанных на сложных ассоциативных связях и обобщениях: эссе, очерк, притча, легенда и т.д. Важно отметить, что личность автора, находящегося в центре каждого тематического повествования, предстает важнейшим структурно-семантическим элементом очерков. Именно личность рассказчика подчиняет себе весь эмпирический материал, становясь центральной эстетической категорией каждого «зарубежного письма». Синтез литературных тенденций и жанров как культурная новация XX века позволил М.С. Шагинян создать целостную очерковую структуру инновационного типа, воплотившую образ современной автору эпохи.

Все европейские страны «Зарубежных писем» и их национальные культуры предстают в посвященных им очерковых циклах не только в историческом своеобразии своих традиций и народного характера, но также в сложной новизне их современного духовного и социального развития, когда доминирующей для писательницы является интернациональная тема. В ее основе находится постоянный глубокий интерес автора к разным народам, нерушимая вера в их творческие силы, трепетное уважение к культуре и искусству, желание познать всё ценное, что каждый из них внес в общую духовную сокровищницу человечества.

Литература

1. *Шагинян М.С.* Зарубежные письма // М.С. Шагинян Собр. соч.. в 9 т. Т. 6. М., 1988.
2. *Никулин Л.* Наш друг Мариэтта Шагинян // Литературная газета. 1963, 2 апреля.

ЖУРНАЛ «ДОН»: ЧЕХОВ, ШОЛОХОВ, ШАГИНЯН...

В.С. Петров – главный редактор журнала «Дон»,
член Союза писателей России, лауреат
Всероссийской литературной премии им. М.А. Шолохова

Когда на излете Советской власти журнал «Дон» удостоился ордена Дружбы народов, то озаботились, а куда, собственно, крепить награду? Потребовалось занять Красное знамя редакции. И вот оно: есть – как есть! Хранимое. Есть знамя – живёт полк, дивизия... Жив и журнал «Дон».

Много чего случилось после – эпоха перемен всё длится, длится... Подлинная литература теперь не в чести, и журнал «Дон» издается который год без копейки со стороны, но так, вероятно, угодно providению. Журнал «Дон» – это красноречивый крест, и нести его тяжело, но честнее – без властей предрешающих да осязанных членом-писателем.

Зато мы вольные люди! Только шашка да Господь Бог помогали казаку, а в нашем случае это талантливые произведения, доверенные святыми образами русской литературной классики, в числе которых М.А. Шолохов и А.П. Чехов – близкие нам по месту рождения и характеру творчества писатели. Думаю, к этим именам вполне можно причислить и М.С. Шагинян.

Да, журнал «Дон» жив святым духом, что явлен в двух ипостасях – авторы и читатели. Публикуются на донских страницах литераторы отовсюду. И низкий поклон верным читателям, особо же подписчикам. Отбор рукописей для журнала определяет их художественный уровень. Как главный редактор печатал и буду печатать достойных. Сие право выстрадано!

Число авторов и читателей определяемо, а вот интернет пользователей труднее отследить – но точно, что они множатся. Особенно это стало заметно с размещением номеров журнала «Дон» на портале «Читальный зал» в ряду с другими достойными изданиями страны. Литературный журнал в России больше, чем журнал. Представьте временную протяженность номеров «Дона» за 90 лет его существования. Журнальные страницы хранят само время, работают на вечность.

* * *

Знамя журнала – красный бархат, золото букв... И разве тут обойтись без чеканных строк печатавшегося в нашем журнале современного навсегда поэта: «шелест страниц, как шелест знамен...»

Среди заметных публикаций «Дона» встречаются и материалы как самой М.С. Шагинян, нашей землячки, так и анализирующие ее творчество. На счету писательницы немало талантливые произведения.

Вот как в 1913 году В.В. Розанов приветствовал приход в литературу Мариэтты Шагинян, тогда еще молодого автора: «В русскую литературу влилась и вливается пока еще тоненькая струйка армянского ума и сердца, – которую нельзя не приветствовать особенно потому, что она умиряет и сглаживает рознь, какую вводит политика. Поэзия мудрее всякой политики и даже мудрее истории и вообще поэты суть естественные мудрецы, а в стихах, как и в цветах, содержится эссенция мира. Оставим, однако, общие рассуждения и обратимся к маленькой книжке, лежащей перед нами, г-жи Мариэтты Шагинян, предисловие которой помечено городом Нахичеванью, а самая книжка посвящена московскому образованному деятелю С.В. Рахманинову... Стихи очень хороши, очень изящны, очень литературны».

Российский орден Дружбы народов литературно-художественный журнал «Дон» основан в апреле 1925 года по инициативе А.А. Фадеева. Название «Дон», предложенное М.А. Шолоховым после войны, имеет предшественников – «Лава», «На подъеме» и «Литературный Ростов».

Ныне красные буквы названия «Дон» на белом поле обложки журнала словно несут на себе начертанное пушкинской рукой слово «Донъ» – символ и смысл широко известного издания. У него богатая биография и легендарное имя, подкрепленное высоким уровнем художественности публикуемых произведений. Свое предназначение журнал видит в соединении двух веков отечественной литературы на родине Чехова и Шолохова. Представляет край тихого Дона не только по России, а и за рубежом.

Слово «Дон» сродни удару колокола. Оно собирало и собирает людей, возвышает душу. Журнал «Дон» стремится соответствовать высокому имени. Русская и советская классика – родники печатно-

го издания. Публикации современных авторов дают стремительный ход журнальной реке.

Журнал «Дон» обрел свое лицо, определяемое, прежде всего, достойными писательскими именами. Редакция отбирает для публикаций добротную отечественную прозу и высокую поэзию, координируя по сути дела литературный процесс на Юге России и помогая новым талантливым авторам – особенно молодым.

На основе журнала «Дон» создано ООО «Донское книжное издательство», вот уже более десяти лет выходит газета Ростовской области «Культура Дона».

Ранее журнал, издаваемый в Ростове-на-Дону, был органом различных писательских объединений, его учредителями являлись Союз писателей России, Ростовская областная писательская организация и редакция. Ныне это независимое издание, в редколлегию которого входят авторитетные писатели со всех концов страны. Максимальный тираж журнала «Дон» – 107 тыс. экземпляров (1988).

Первые номера «Лавы» (так назывался вначале журнал «Дон») редактировал молодой Александр Фадеев. Собственно, он и сделал литературный журнал – придал ему тот внутренний облик, который и сохраняется в нынешнем «Доне». Журнальные книжки были объемом до ста страниц. Есенин, Маяковский, Артем Веселый, Мандельштам, Казин, Жаров, Шагинян, сам Александр Фадеев – имена значительные, а всё больше тех, забытых, но занесенных в содержание журнала как в поминальник. И то, что «Лава» представляла пролетарские стихи и прозу вкуче с произведениями попутчиков, – какой грех? Даже шибко идейные литературные вещи свидетельствуют о времени полнее исторических фактов.

До осени 1926 года выходила «Лава» с Фадеевым, затем издание преобразовывалось в журналы «На подъеме», «Литературный Ростов», а с 1946 года это журнал «Дон», нареченный так М.А. Шолоховым – нарек, как благословил. Михаил Александрович бывал в редакции, да он и по сию пору незримо присутствует рядом.

История Российского ордена Дружбы народов литературно-художественного журнала «Дон» наиболее зримо прослеживается по содержанию выходивших номеров. На страницах отражалась жизнь большой страны, но не столько ее внешняя сторона, сколько

внутренний мир человека, менявшегося с учетом требованиями времени. Писатели чутко улавливали эти изменения и словом художественно выражали мысли, чаяния, мечты всех и каждого! В журнале печатались В. Маяковский, А. Фадеев, М. Шагинян, М. Шолохов, С. Михалков, Р. Гамзатов, В. Распутин, Б. Можаяев, А. Солженицын, В. Кожин, Ю. Кузнецов, В. Белов, А. Прасолов, А. Калинин, В. Закруткин, Б. Примеров...

Подчас литература точнее и правдивее свидетельствует о том или ином времени, чем исторические труды. Такова сила художественного произведения. И в этом смысле литературный журнал «Дон» имеет неоспоримое преимущество перед разовым изданием – разные по степени таланта и взглядам авторы одновременно говорят с его страниц каждый о своем, тем самым создавая искомую полифонию голосов, когда истина наиболее приближена.

Шолохов – это русская классическая литература, а она причислена к высшим истинам. «Заветным» назвал *Дон* Александр Сергеевич Пушкин, и вот через сотню лет шолоховское – как выдох! – «Тихий Дон». Михаил Шолохов как никто другой сумел гениально выразить XX век, оставаясь неизменно русским художником.

Журнал «Дон» напечатал рассказы М.А. Шолохова «Судьба человека» (1957, № 1), главы из романа «Поднятая целина» (1957, № 4), вторую книгу романа «Поднятая целина» (1959, № 7 и 1960, № 2), главы из романа «Они сражались за Родину» (1969, № 5), «Речь на семинаре молодых писателей 28 марта 1955 года» (1955, № 2), статью «На Дону» (1965, № 5) и «Прикосновение к подлинному» (беседа с М.А. Шолоховым, специального корреспондента «Правды» В. Дробышева (1975, № 1).

«Дон» явился публикатором рассказа Шолохова «Ветер» (1987, № 3), писем: «Десять писем Михаила Александровича Шолохова» (1989, № 7); «ЦК КПСС: Разъяснить т. Шолохову действительное положение дел...» (1998, № 5-6); «Письма отца» (1999, № 5-6); «Неизвестная переписка М.А. Шолохова» (2000, № 3-4); письма к киносценаристу С. Ермолинскому (2002, № 5-6); «Не уронить достоинства державы Российской» (2005, № 5); письма М.А. Шолохова Л.И. Брежневу (2008, № 5).

О Шолохове при его жизни было напечатано 144 рецензий, статей и воспоминаний. После кончины писателя появились постоян-

ные рубрики «Наш Шолохов» и «Век Шолохова». «Дон» – последовательный оппонент версиям по теме плагиата и извращению биографии писателя. В числе авторов были Ю. Бондарев, Ю. Жданов, В. Закруткин, А. Калинин, Д. Кьюсак (Австралия), Ю. Лукин, А. Маршалл (США), В. Осипов, Тихонов, М. А. Шолохов, шолоховеды А. Овчаренко, К. Прийма, А. Хватов и другие.

110-летие Михаила Александровича Шолохова в мае 2015 года совпадает с 90-летием Российского литературно-художественного журнала «Дон», членом редколлегии которого до конца дней своих был великий писатель. Главное направление «Дона» – шолоховское. «Шолоховская линия» в понимании редакции – не только материалы о самом писателе, а и публикация литературы, реалистической по восприятию, народной по содержанию.

Статус журнала «Дон» высок, он всероссийский не только по форме, но и по содержанию. Редакция стремится публиковать добротную отечественную прозу и высокую поэзию. Литература современного письма от древа русской классики, пожалуй, единственно способна одаривать общностью разные мировосприятия, пробуждать чувства добрые. Произведения такого рода и представлены в редакционном портфеле.

Имея ростовскую прописку, журнал «Дон» обзавелся подписчиками в разных уголках России, в странах ближних и дальних. Планка высокой художественности плюс редакторская смелость и чутье обязательны при рассмотрении произведений. Например, так было с романом «Мужики и бабы» Бориса Можаяева. Столичные журналы отвергли взрывную вещь, а «Дон» напечатал ее. Схожая история произошла и с романом Виктора Лихоносова «Наш маленький Париж».

Органична для «Дона» казачья тема. Особо ко двору пришлись авторы русского зарубежья, где никто так ярко не проявил себя, как уроженцы Дона. Открылись таланты большой величины. Это, прежде всего, Николай Туроверов, а также Краснов, Воробьев, Смоленский...

К «Дону» тянутся писатели отовсюду, а, как говорится, с Дона выдачи нет! Факт публикации определяется только художественными достоинствами рукописей. Авторы «Дона» – талантливые

авторы со всей России, которые почитают за честь выйти к читателю со страниц этого журнала.

Вдобавок к целевым казачьим выпускам осуществляется проект: «Литературное кольцо», где уже был дан выход писателям Оренбуржья, Дагестана, Дона, Беларуси, Харькова, Кубани, Одессы, Республики Коми... Хорошо вписался в «Литературное кольцо» номер «Россия вдали от России» с произведениями наших соотечественников из дальних стран; Англия, Германия, Канада, США, Израиль, Австрия.

Особая забота о молодой литературе Юга России. Под одной обложкой специального выпуска «Волна за волной» сошлись молодые прозаики и поэты республик, краев и областей Южного федерального округа.

Лучшие авторы удостоиваются права объемного выхода к читателю под рубрикой «Книга в журнале».

У журнала «Дон» есть свой читатель, подписчик. О прежних многотысячных тиражах остается лишь мечтать, однако теперь ситуация изменилась кардинально. Выход в интернет обеспечивает неограниченное количество желающих встретиться с нужным изданием. При этом есть возможность выбора. Свою роль играет авторитет портала. Журнал «Дон» в первую очередь выкладывается на портале «Читальный зал», где размещаются наиболее известные и значимые литературные издания, а далее расходится по социальным сетям. Читательская реакция следует незамедлительно.

И всё-таки живое общение не заменить. Поэтому редакция и авторы журнала практикуют регулярные встречи с читателями, разные другие мероприятия подобного характера. Выход на аудиторию дает немало полезного, помогает скорректировать творческие планы. Журнал «Дон», как говорится, «знают в лицо», в разных местах Ростовской области – Вёшенская, Таганрог, Пухляковский, Новочеркасск, Цимлянск, Мечётинская, Кочетовская, Азов... Создается литературная карта Дона, где к прежним читателям журнала прибавляются новые.

Газета «Республика», размещенная на сайте министерства культуры Республики Коми написала: «В первом за 2015 год номере литературно-художественного журнала «Дон» впервые вышла целая подборка произведений авторов из нашей республики. Прозу,

поэзию и публицистику в редакции издания объединили в выпуске «Север-на-Дону». На этой неделе северный выпуск южного журнала презентовали в библиотеках Сыктывкара в Выльгорта. В читальном зале Национальной библиотеки Коми презентация прошла 5 марта. Чтобы рассказать о журнале «Дон», в Сыктывкар из Ростова-на-Дону приехал главный редактор издания поэт Виктор Петров».

Таким образом расширяется авторская и читательская зона действия журнала.

Веянием времени стало создание на основе журнала «Дон» своего издательства. До этого долгие годы существовало хорошо известное областное книжное издательство Ростиздат, под маркой которого выходили книги многих писателей и вокруг которой группировались профессионалы своего дела. Однако Ростиздат вынужден был закрыться.

В определенной степени ему на смену и пришло Донское книжное издательство, где ныне печатается различного рода и вида литература, в основном, художественная. Обеспечивается высокий уровень редакционно-издательской подготовки, на всех этапах процесса доведения рукописи до книги заняты опытные специалисты, привыкшие работать с текстами известных писателей. Естественно, это положительно сказывается на качестве самого издания. Оформляются книги также по всем стандартам и правилам, привлекаются умелые верстальщики и дизайнеры-художники.

Продукция Донского книжного издательства выгодно отличается от печатных изделий иных фирм, где о грамотной редакционно-издательской подготовке имеют слабое представление. Таких самodelок на книжном рынке довольно много. Издание книги – это профессиональное дело, творческий процесс, искусство. Свидетельством тому в полной мере могут служить издания известных и начинающих авторов с логотипом «Дон».

Журнал живет, развивается... К нему тянутся читатели, подписчики, литераторы. Используется всё, что работает на авторитет журнала, как литературного и культурного центра на Дону. С 2004 года выходит газета Ростовской области «Культура Дона», которая поступает во все библиотеки нашего края. И если вначале министерство оказывало финансовую поддержку редакции, то сейчас

выпуск газеты поддерживается лишь самим Донским книжным издательством.

Одно время также выходила газета – «Литератор Дона», которая отслеживала текущий литературный процесс на местном областном уровне. Ее страницы – своеобразная хроника, засвидетельствование уровня нынешних представителей некогда известной на всю страну писательской «донской роты», материал для будущих историков.

Имена Шолохова, Чехова, других выдающихся писателей, среди которых свое достойное место занимает Мариэтта Шагинян, обязывают ко многому. Лишь подлинная литература может вернее всего объяснить смысл нашего существования. А собранные воедино под журнальной обложкой произведения такого рода имеют непреходящее значение. Воздействие слова, идущего со страниц «Дона», у истоков которого стояли Фадеев и Шолохов, невозможно переоценить.

Создание каждого номера журнала – сложный творческий процесс. Редакция стремится соединить в одно целое писательские индивидуальности, при этом с каждым автором нужно разговаривать и обсуждать его рукопись на одном с ним языке, т.е. уровень творческих возможностей самого редактора должен быть соответствующим.

Поэтому и сотрудники редакции, и члены редколлегии, и актив журнала это, как правило, все профессиональные литераторы, доказательством чему могут служить только их собственные произведения – публикации, книги... Причем добротного качества, высокого уровня, признанные не только на местном, а и на всероссийском уровне.

Примером в этом смысле мог служить, к сожалению! ушедший от нас Анатолий Вениаминович Калинин, который всегда как член редколлегии принимал непосредственное участие в подготовке журнальных номеров. Его книги хорошо известны, писательское имя составляет славу донской литературы.

В состав нынешней редакционной коллегии журнала «Дон» включены разные, но в то же время значительные по своему творческому багажу писатели. В этом легко убедиться, если посмотреть их публикации в различных изданиях, представленные на сайтах.

Характерно, что свои лучшие произведения они впервые печатают на страницах журнала «Дон».

Могут сказать, а как с творчеством у главного редактора? Недавно у меня в Москве (издание журнала «Юность») вышла новая поэтическая книга «Болевой порог», отмеченная одобрительными рецензиями в «Литературной газете» и «Независимой газете». Мои стихи положила на музыку член редколлегии Валерия Салтанова, сама известный поэт. Ее поэтическое творчество представлено в «Антологии современной литературы России». Мы совместно осуществили арт-проект «И любовь, и печаль, и судьба...» на сцене областной филармонии.

В рамках 90-летия журнала «Дон» открылась выставочная экспозиция в Азовском краеведческом музее, где прослеживается весь путь нашего издания. Там рассказано о писателях и их публикациях, упоминается и Мариэтта Сергеевна Шагинян. Эта выставка также будет демонстрироваться в станице Вёшенской во время Шолоховской весны.

М.С. ШАГИНЯН И ГАЗЕТА «ПРИАЗОВСКИЙ КРАЙ»

Н.В. Самарина, доцент ЮФУ

В становлении М.С. Шагинян как литератора весьма значимым был период сотрудничества ее с ростовской газетой «Приазовский край», продолжавшийся примерно полтора десятилетия. В ограниченных пределах небольшой статьи невозможно выявить, агрегировать и оценить все публикации, сделанные ею за годы сотрудничества с известной на юге России газетой. Можно лишь определить рамки этого сотрудничества, его основные вехи, попытаться оценить влияние его на выбор основного дела жизни нашей героини.

Время публикаций Мариэтты Сергеевны в «Приазовском крае» современный биобиблиографический словарь датирует 1906-1912 годами [1, с. 671]. Начальная граница его не вызывает сомнений. Она в воспоминаниях пишет: «Последний раз мы обедали с ним (дедом Я. Хлытчиевым – *Н.С.*), когда мне стукнуло девятнадцать (т.е. в 1907 г. – *Н.С.*), и я уже писала фельетоны в «Приазовском крае». Он скрывал, что гордится мной, называл меня «он» и всегда

говорил обо мне как о «нем» – мужчине, мальчике, а я тоже этим очень гордилась» [2, с. 22-23]. Эта особенность ее самоидентификации проявилась в газетных публикациях нескольких первых лет. Даже в начале 1910 года в статье «О религиозных исканиях современного общества» она, почти 22 лет от роду, всё еще позиционирует себя как автор-мужчина [3], благо написание фамилии позволяло такую мимикрию. Но уже со второй половины этого года тексты статей, подписанных М.С. Шагинян, не скрывают авторства женщины.

С осени 1908 года публикации в газете стали для нее одной из форм заработка, возможно, менее изнурительной. Физически, нежели беготня студенток-курсисток по частным урокам. «Мы с сестрой давали уроки, я брала переписку (переписывала от руки), а кроме того писала множество статей в ростовскую газету «Приазовский край» [2, с. 224]. Это сотрудничество продолжалось как в годы обучения Мариэтты Сергеевны на Высших женских курсах Н. Герье (1908-1912), так и в период занятий в народном университете А.Л. Шанявского (1912-1914). Не прервалось оно и с выездом М.С. Шагинян в 1914 году в Германию для написания диссертации по философии. 11 (24) июня она пишет из Германии: «Родная мамусечка, пишу, – а что писать не знаю: все «впечатления» ухлопываю в газете». В открытке от 2 ноября 1914 г. из Цюриха сообщает, что деньги от «Приазовского края» (100 руб.) всё еще не получены: «беспокоюсь страшно, не пропали ли они? Верно ли был написан адрес?» [4]. Характеризуя жизнь свою в Нахичевани по возвращении из Европы (1915-1917), М.С. Шагинян отмечает ее оседлость и постоянную работу «лектором в музыкальном училище Авьерино и писанием в донских газетах, да в московских, пока Октябрь не отрезал нас от центральной России» [2, с. 469]. Без особой боязни ошибиться, можно говорить о том, что сотрудничество Шагинян с самой влиятельной на юге России газетой продолжалось практически до конца издания последней в 1920 году.

Представляется уместной в этой связи краткая характеристика газеты, ставшей для нее не только источником заработков, но и своеобразной школой литературного труда. «Приазовский край», издававшийся в Ростове-на-Дону почти 30 лет, столь же мало подходил (по объему, содержанию публикаций, принципам организа-

ции дела) на типичную провинциальную российскую газету начала XX века, сколь мало сам Ростов, чье население накануне Первой мировой достигало 200 тысяч человек, – на типичный уездный город. Тем не менее, инициатива создания в городе большой «ежедневной политической, экономической и литературной» газеты исходила не от состоятельных ростовцев. Основателем и ее бессменным ответственным редактором более 20 лет являлся образованный нахичеванец Серафим Христофорович Арутюнов.

С 1880-х годов предприимчивые и зажиточные жители Нахичевани начали основывать в Ростове крупные предприятия или переводить сюда главные конторы фирм с уже сложившейся коммерческой репутацией, строить престижные многоэтажные доходные дома, приобретать участки стремительно дорожавшей городской земли. Серафиму Арутюнову удалось создать в 1891 г. первую стабильно издававшуюся ежедневную газету. К концу XIX в. она обрела репутацию наиболее влиятельной и популярной газеты на российском Юге, и сотрудничеством с ней не пренебрегали такие знаменитые столичные публицисты («короли фельетона», по характеристике М.С. Шагинян) как А. Амфитеатров и В. Дорошенко. «Приазовский край» платил знаменитостям вполне убедительные гонорары: 100 рублей за фельетон при условии, что ежемесячно будет представлено два оригинальных текста, написанных специально для публикации в Ростове [4]. Газета имела собственную полиграфическую базу, причем ее типография – самая крупная в городе и в начале издания (90 рабочих), и накануне Первой мировой (187 рабочих в 1913) [6]. Столь масштабно поставленное издательство требовало немалых средств, затраты оказались не под силу одному человеку. В 1896 году для продолжения издания газеты было образовано Донское акционерное общество издательского и печатного дела, которому С.Х. Арутюнов и передал свои издательские права и типографию за 381,5 тыс. руб. [7]. Сам он оставался редактором «Приазовского края» вплоть до своей смерти в марте 1911 года, и во многом благодаря ему газета превратилась во влиятельное периодическое издание, отражавшее события не только в Ростове и Нахичевани, не только в области Войска Донского, но и на всем юго-востоке России.

Анализ тематики публикаций газеты, если смотреть номер за номером, хотя бы одну годовую подшивку, позволяет говорить о том, что определения в подзаголовке «Приазовского края»: «газета политическая, экономическая и литературная», – адекватны и оправданны. Уже к началу XX века издание было поставлено на широкую ногу, совсем не провинциально: газета имела собственных корреспондентов в столицах и в крупных городах и поселениях юга России, что позволяло редакции получать информацию о событиях в оригинальном изложении, в телеграммах и телефонных сообщениях. В отличие от множества провинциальных газет «Приазовский край» практически не прибегал к перепечатке новостных сообщений ПТА (за исключением стенограмм заседаний Государственной думы и Государственного Совета) или, того печальнее, проблемных статей и очерков из столичной прессы. Упоминания о солидности издания, его умеренности, стремлении не публиковать непроверенные сведения, как, впрочем, и о близости общественно-политической позиции газеты к партии народной свободы (кадетов) встречаются практически в каждом годовом отчете чиновников Главного управления по делам печати при МВД России, начиная с 1906 года [8, с. 761-762]. Такова была площадка первых литературных опытов нашей героини, пространство ее писательского «взросления».

Встает вопрос о том, как юной Мариэтте Сергеевне (выпускнице гимназии, начинающей курсистке) удалось не просто несколько раз опубликоваться в газете, не испытывавшей, очевидно, острого дефицита ни фельетонистов, ни опытных пишущих сотрудников, но стать постоянным автором публикаций, довольно больших по объему и чаще всего занимавших подвал одной из текстовых полос «Приазовского края». А это (при полосе в 8 колонок) – примерно от 300 до 400 строк, что при пятикопеечной построчной плате давало гонорар от 15 до 20 руб. за публикацию. Ориентировочный подсчет подтверждается самой М.С. Шагинян, в марте 1911 г. сообщавшей матери, что сумма ее гонорара за три статьи в минувший месяц составила 60 руб. [4]. Поиск ответа на вопрос подсказала она сама, упомянувшая в мемуарах, что один из ее дядей (состоятельных мужей многочисленных тетушек по материнской линии – Н.С.) был директором правления «Приазовского края» [2, с. 224].

Архивные фонды уточняют эти сведения. Дядя нашей героини – П.Е. Хатранов, акционер и член правления общества с момента его основания, а с октября 1898 - председатель правления Донского акционерного общества печатного и издательского дела [9]. Приобретение контрольного пакета акций компании Б.А. Гордоном (1910) не изменило статуса Павла Егоровича. Обновленный состав акционеров газеты, своего рода предпринимательский интернационал, типичный для космополитического крупного бизнеса старого Ростова: три армянина, три грека, один русский и один еврей, – оставил Хатранова во главе правления. Последний занимал этот пост вплоть до 1916 года [10]. Видимо, нельзя отрицать, что родственная поддержка обусловила, по крайней мере на первых порах, благожелательный формат публикаций начинающей фельетонистки. Лишь один пример: ее заметки о сборнике «Вехи» и полемике вокруг него заняли два газетных подвала в одном из номеров 1909 года, причем первая половина текста размещалась на первой полосе [11].

Характеризуя тексты, отсылавшиеся в Ростов в годы студенчества то из Москвы, то из Петербурга, М.С. Шагинян признается, «писала единым махом, одним дыханием. Черновики прямо отсылала в «Приазовский край» ...Не то что править – некогда было их перечитывать после написанья; и когда, случалось, пропадет на почте, не жаль, никакой не было трагедии» [2, с. 298]. Тематика сюжетов ее фельетонов (именно так она называла жанр своих статей в «Приазовском крае») варьирует от попытки рецензирования сборника «Вехи» и стремления разобраться в причинах богоискательства и богостроительства в общественном знании столыпинской эпохи [12] до лирически-эмоционального, восторженного описания впечатлений от конкурсных работ художницы Т. Гиппиус [13] и историко-биографического очерка о Т.Н. Грановском [14]. Оценки и целый ряд суждений в публикациях вряд ли можно считать зрелыми и самостоятельными, но привлекают внимание описания событий и людей, в них упоминаемых. Они демонстрируют уже существующий острый взгляд газетчика-фельетониста и особенность характеристик, просто впечатывающихся в память. Вот доктор, который в период холерной эпидемии (лето 1910), будучи вызван к заболевшим рабочим цементного завода в Геленджике,

так и не рискнул войти в помещение, где они находились; вот фельдшерница, поклонница романа Вербицкой «Ключи счастья», отреагировавшая следующим образом на просьбу помочь заболевшим: «Да что вы! Ведь это на прямую смерть идти! – с удивлением сказала она. – Людям, которые не боятся, ну, тем еще можно. А я не могу, я от одного страха сейчас же заражусь» [15].

Запоминаются словесные портреты – зарисовки разношерстной публики, сделанные М.С. Шагинян на одном из заседаний столичного Религиозно-философского общества осенью 1910: «С изящным Блоком, похожим по внешности на паладина Гроба Господня сидит рядом крестьянин-самоучка Пимен Карпов, живой, скуластый, в синей рубашке. Недавно он издал любопытную книгу «О религиозной стихии русского народа», где многословно доказывает, будто бы никакого движения в России быть не может, если оно не обусловлено религиозным подъемом... А вот и «светящийся» А.Белый с его тонким лицом, светлоглазый, нервный, с быстрыми и порывисто-грациозными движениями... Белый в Петербурге наездом и, видимо, с жадностью поглощен всем тем, что сообщает ему белокурый извозчик... А вот и сам епископ Михаил, маленький, огненно-быстрый, в сапогах, подбитых гвоздями. Входит, то ропливо здороваётся, что-нибудь непременно потеряет, нагнется поднять – еще обронит. Улыбается детски-ясною улыбкою, глядит бегло, лицо у него светится хорошей, вдумчивой бодростью». Это из фельетона «Прежде и теперь», последней за 1910 год ее публикации, которая более, чем предыдущие, обладает признаками фельетона благодаря ярким, фактурно описанным моделям поведения столичных обывателей, подражавших представителям литературного модерна. Остроумно изложен перечень критериев, которым нужно было соответствовать, чтобы принадлежать к этой модной публике. Прочитую лишь небольшой его фрагмент: «Чтобы быть декадентом, надо было утончиться до последнего размера, быть острым и тонким душою, как шпилька. Надо было понимать музыку цветов, цвет запахов и запах музыки, ...отрешиться от буржуазных привычек, спать до 7 вечера, в семь пить утренний кофе и ложиться не ранее 10 утра». Завершается перечень маленьким сарказмом автора: «В прежнее время легче было стать масоном, чем в наши дни декадентом». Мариэтта Сергеевна не скрывает, что низ-

водит свое описание «идейных практик» (термин фельетонистки – *Н.С.*) подражателей к ряду анекдотов, а историки к анекдотам относятся неприязненно, но тут же резонно замечает: «Ничто так не вводит в дух века, ничто так не пахнет запахом своего времени, как анекдот» [16].

Осень 1910 г. стала, по-видимому, значимым для М.С. Шагиняна рубежом в ее сотрудничестве с газетой. Приобретение контрольного пакета акций Б. Гордоном сопровождалось расширением круга авторов, прежде всего, за счет известных публицистов. Возобновил свое сотрудничество с «Приазовским краем» столичный публицист В. Португалов, начал публиковаться московский фельетонист С. Яблоновский, появились содержательно неглубокие, но хлестко написанные фельетоны и Шаржи Оль д'Ора (И. Оршера) и стихотворные сатиры Лою (Л. Мундштейна). Стал штатным сотрудником А. Тараховский, завершивший в связи с этим издание в Таганроге собственной газеты «Приазовская речь» [17] и одинаково легко и профессионально писавший (под псевдонимом «Шиллер из Таганрога») как сатиру на городские муниципальные темы, так и серьезную литературно-художественную критику. Конкуренция за право увидеть свои материалы на газетных полосах стала более острой, что молодого автора побуждало к четкому определению тематики публикаций, к углублению их содержания. Помимо внешних стимулов появился и внутренний, как оказалось, значимый и весьма долговременного действия. Спустя много десятилетий Мариэтта Сергеевна назвала его единственным профессиональным уроком, полученным ею у Мережковских. Совершенно случайно ей удалось просмотреть первоначальный вариант одной из газетных статей Д. Мережковского и его правку, сопоставить их и увидеть, как приобретает легкость и блеск тяжелый, трудно читаемый текст. «Рукопись умывалась под ливнем ...вычерков, сокращалась, подтягивалась – мысль получала свой образ, выходила из мусора к свету. Я уже не помню, какая это была статья. Не помню, о чем шла речь в исправленных фразах. Но самый процесс правки соблазнил меня почти вещественно, материально... Писательская правка Мережковского, случайно попавшая мне в руки в 1910 году, научила меня (не сразу, а исподволь, годами) становить-

ся в процессе творчества не только создателем, но и читателем, потребителем своих вещей» [2, с. 298-299].

С января 1911 г. статьи М.С. Шагинян в «Приазовском крае» обрели постоянную рубрику «Литературный дневник», появлялись регулярно, чаще всего в подвале одной из газетных полос, и содержали критику новинок литературы: повестей, романов, стихотворных сборников, а также свежих номеров литературных и художественных журналов. Задачи, ею поставленные, отчетливо изложены в одной из первых публикаций рубрики: «Констатирование, внимательное и точное, – вот, кажется мне, единственно возможная для современной критики позиция... Ведь ценят только то, что выявлено. А мы переживаем странное время: у нас множество явлений и никаких выявлений. Потому-то и важно сейчас, чтобы критика стала диагнозом» [18]. Если читать тексты рубрики в последовательности их появления на страницах газеты, можно заметить, как складываются критерии оценки книг и журналов, становится отчетливее связь их с социальными и культурными явлениями современности, с этическими и эстетическими идеалами самой Мариэттой Сергеевной, а идеалы эти тоже эволюционируют, пребывая в процессе становления. От публикации к публикации становится более отчетливой и жесткой структура текстов, совершенствуется форма, обретая черты фельетона. Полтора десятка лет спустя М.С. Шагинян очень изящно их охарактеризует: «он (фельетон – *Н.С.*) должен дать шипучий напиток с зерном истины, то есть некую взбудораженную и потому интересную правду» [19, с. 770].

В поле зрения автора «Дневника» оказывались разные по форме и содержанию книги. Фельетонный «шипучий напиток с зерном истины» вряд ли был уместен при оценке, например, работы А. Панкратова о богоискательстве. И признаки фельетона здесь присутствуют, пожалуй, лишь в названии («*A la fourchette*»), да в отнесении книги по причине отсутствия глубины в ее содержании к так называемой «закусочной литературе» [20]. Страницы, посвященные оценкам прозы и поэтических опытов, насыщены авторской иронией и сарказмами, в которые облечен анализ текстов. Они могли относиться как к содержанию книги, так и к языку того или иного автора. «Немец, если у него сосет под ложечкой, пьет соду; француз отправится в оперетку; англичанин потерпит. Относитель-

но русского уверенно предсказать ничего нельзя, можно только слегка догадываться, что он станет литератором». Эта восходящая к анекдоту сентенция предваряет уничтожающий анализ опуса Н. Русова «Отчий дом». А завершает его резюме: «Если г. Русов напечатал свою книгу для того, чтобы поведать о себе миру, замысел его следует признать совершенно неудачным. Рекламы шутовского коньяка интереснее, невиннее и скорей достигают цели» [21]. Такова оценка малоизвестного и, по классификации М.С. Шагинян, «внезапного литератора».

Что писалось ею о творениях маститых? В общем и целом, особаго пиетета перед тем или иным известным именем автор «Дневника» не испытывала, а способность определить собственную позицию и противопоставить ее общей хуле или похвале продемонстрировала еще в 1909 г., поддержав идейные позиции авторов «Вех» в пространной публикации в «Приазовском крае» несмотря на лавину негативных оценок, обрушенную на веховцев либеральными и демократическими публицистами. В ее «Литературном дневнике» о романе А. Эртеля «Урожденная Тибякина» читаем: «...язык простой и милый, где так знакомы эпитеты, так старо описание Крыма, так обычно старательное введение в роман... Как истощился бедный русский язык, если романы Эртеля кажутся ему (читателю – Н.С.) отрадной новостью после «Навьих чар» Сологуба» [22]. Не подвергая подробному разбору «Гранатовый браслет» А. Куприна, опубликованный в альманахе «Земля», М.С. Шагинян пишет: «О рассказе Куприна... я ничего не скажу: он был в меру замечен и едва ли не сверх меры расхвален» [23]. Именно в «Приазовском крае» она подвергла нелицеприятной критике роман З. Гиппиус «Чертова кукла», опубликованный в трех первых номерах журнала «Русская мысль» за 1911 год. Роман об омертвлении людских душ под воздействием утилитаристских догм и радикалистских общественных практик, стильный и холодный, написан был, по мнению Мариэтты Сергеевны, «математически». «Глубоко продуманный гениальный план, по которому, как кубики, раскладываются отдельные главы» воплощал чуждые М.С. Шагинян эстетические принципы, о чем она в фельетоне «Театр марионеток» недвусмысленно и яростно заявила [24]. Публикация означала окончательный и идейный, и человеческий разрыв с семьей Мережков-

ских. Спустя много лет Мариэтта Сергеевна называла критику романа в «Приазовском крае» резкой отповедью, «еще наивной, но уже трезвой» [2, с. 345].

Значение продолжительного сотрудничества с «Приазовским краем» исчерпывающе оценила сама М.С. Шагинян, считавшая, что работа фельетонистом в газете существенно сократила подражательный период ее литературного творчества [2, с. 296].

Литература

1. Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. Библиографический словарь: в 3 т. Т. 3. М., 2005.
2. *Шагинян М.С.* Человек и Время. История человеческого становления. М., 1982.
3. Приазовский край. 1910. 9 января
4. Ростовский областной музей краеведения. Коллекция писем № 26556
5. ГАРО. Ф. 155. Оп.1. Д. 1. Л.6 Ооб.
6. Приазовский край. 1911, 12 марта; ГАРО. Ф. 155. Оп. 1. Д. 25. л. 12-28.
7. ГАРО. Ф.155. Оп. 1. Д. 1, л. 1об
8. *Самарина Н.В.* «Приазовский край» // Российский либерализм середины XVIII - начала XX века. Энциклопедия. М., 2010.
9. ГАРО. Ф.155. Оп.1. Д.1. Л.16об
10. ЦГИА РФ. Ф. 23. Оп. 28. Д. 706. Л. 4-6.
11. *Шагинян М.С.* Еще о «Вехах» // Приазовский край. 1909. 29 июня.
12. *Шагинян М.С.* О религиозных исканиях современного общества // Приазовский край. 1910. 9 января
13. *Шагинян М.С.* На втором закате // Приазовский край. 1910. 2 декабря
14. *Шагинян М.С.* Т.Н. Грановский // Приазовский край. 1910. 27 октября
15. *Шагинян М.С.* Жизнь и писатели // Приазовский край. 1910. 13 сентября
16. *Шагинян М.С.* Прежде и теперь // Приазовский край. 1910. 15 декабря
17. Приазовский край. 1910. 31 октября
18. *Шагинян М.С.* Пшеница и плевелы // Приазовский край. 1911. 23 февраля

19. *Шагинян М.С.* Илья Эренбург // М.С. Шагинян Собр. соч.: в 9 т. Т. 1. М., 1971.
20. *Шагинян М.С.* A la fourchette // Приазовский край. 1911. 1 февраля
21. *Шагинян М.С.* Пирог сапожника // Приазовский край. 1911. 19 марта
22. *Шагинян М.С.* Истощение языка // Приазовский край. 1911. 23 января
23. *Шагинян М.С.* Мертвое удивление // Приазовский край. 1911. 17 апреля
24. *Шагинян М.С.* Театр марионеток // Приазовский край. 1911. 23 апреля

АРМЕНИЯ И АРМЯНЕ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ М.С. ШАГИНЯН

Г.А. Матвеев, к.ист.н., профессор ЮФУ

М.С. Шагинян по масштабам своего таланта, темпераменту, яркой творческой индивидуальности, в которой органически сочетались, взаимодействовали художественный и научный способы освоения действительности, – явление, несомненно, уникальное в российской советской культуре. Эта «двойная тяга» обеспечила ее литературному наследию глубину, объемность, творческую убедительность в исследовании противоречий переломной эпохи в истории нашей страны, обеспечила его особое место в отечественной литературе XX в.

Вместе с тем ее жизнь, личность, творчество представляются характерным, типичным проявлением культурной сложности, двойственной этнокультурной идентичности, исторически сложившихся в нашей многонациональной стране [См.: 1]. М.С. Шагинян одновременно принадлежала к русской и армянской культурам. Основным языком, которым она владела, был русский язык, на нем она говорила и писала свои произведения. Большую часть жизни Мариэтта Сергеевна прожила в г. Москве. Но она понимала армянскую речь (ее родители разговаривали по-армянски), умела читать и переводить армянские тексты, в том числе, на древнеармянском грабаре.

Истоки этой двойственной этнокультурной идентичности М.С. Шагинян коренились в ее воспитании и образовании, ее окружении. В своей книге «Человек и Время...» писатель вспоминает о начальном периоде своей жизни. Она родилась в г. Москве в 1988 г. «Наша семья, – пишет Мариэтта Сергеевна, – была частью московско-армянской колонии, но практически жила интересами и жизнью московско-русской интеллигенции. Русское начало проникло во все поры нашего дома: русские кормилицы вскармливали нас с Линой своим молоком..., русская няня была главным звеном нашей связи с внешним миром, учитель и руководитель отца, в чьей клинике отец производил свои опыты над собаками, был русский профессор Александр Богданович Фохт, ассистент у отца был русский; и пациенты, те, кто ждал приема вокруг круглого стола в гостиной, были тоже отнюдь не армяне...» [2, с. 53].

Вместе с тем Мариэтта Сергеевна и ее отец и мать, вся ее родня всегда помнили о своих национальных корнях. Обращаясь к своему происхождению, к своим генам, которые повлияли на ее мироощущение, темперамент, судьбу, она отмечала: «Отправными точками в этом разборе стали два семейных рода, матери Пепронэ Яковлевны Хлытчиевой, из армянской колонии в Нахичевани-на-Дону, и отца, Сергея (Саркиса) Давыдовича Шагинянца, из армянской колонии в Григориополе-на-Днестре» [2, с. 9]. Далее М.С. Шагинян пишет: «Я ответвилась от этого народа, поросла его веточкой – и мне стало жизненно важно разобраться в судьбах армянского народа, осевшего колониями на русской земле» [*там же*].

М.С. Шагинян выделяет как важную черту социального поведения и мировосприятия своих предков со стороны матери и отца, – «гены ганзейской независимости», сформировавшейся в условиях свобод и привилегий, которые были даны переселившимся в Российскую империю армянским колонистам, собственные городское самоуправление, суд и полиция, функционировавшие на основе собственных этнических традиций. Эти «гены свободомыслия» проявились в пышных похоронах нахичеванскими армянами своего земляка, политического узника империи, выдающегося просветителя, революционера-демократа Микаэла Налбандяна, которые стали вызовом царскому режиму. Одним из организаторов этих

похорон был дедушка М.С. Шагинян со стороны матери, купец первой гильдии Яков Матвеевич Хлытчиев [2, с. 18, 21-22]. Эти же качества были свойственны и дедушке по отцу – Давиду Шагиняну, который в 60-е гг. XIX в. в журнале "Арагат" обосновывал Крамольную по тем временам идею о необходимости дать образование армянским женщинам «дабы стали они со временем грамотными матерями». Он стал инициатором создания в 1868 г. в Григориополе одной из первых женских приходских школ в России [2, с. 66-68]. Видимо, эта генетика сыграла не последнюю роль в формировании неустрашимого характера М.С. Шагинян [2, с. 518].

Родители сформировали отношение М.С. Шагинян к рациональным святыням. В своих воспоминаниях она приводит характерный эпизод из жизни отца, «когда после защиты диссертации он был выдвинут на кафедру диагностики внутренних болезней в Московском университете, и ему было предложено, для ускорения дела, перейти из армяно-григорианства в православие, он ответил министру: «Я – атеист. Но моя церковь связывает меня с моим народом, и отказаться от нее считаю отступничеством». После этого он долго был под негласным надзором полиции» [2, с. 54].

Мариэтта Сергеевна в детском и подростковом возрасте регулярно проводила летние каникулы в Нахичевани-на-Дону, здесь жила и работала больше шести лет в 1915-1921 гг., активно сотрудничала в газетах Юга России «Приазовский край», «Баку», «Кавказское слово», работала в период гражданской войны лектором в Ростовском музыкальном училище Авьерино, превратившемся в Донскую консерваторию. В г. Нахичевани-на-Дону произошли важные события в жизни М.С. Шагинян: свадьба 25 мая 1917 г. с Яковом Самсоновичем Хачатрянцем, 17 мая 1918 г. родилась ее дочь Мирэль, здесь под влиянием событий гражданской войны на Дону произошел перелом в сознании М.С. Шагинян, переосмысление ею своего отношения к Советской власти.

Мариэтта Сергеевна всегда очень тепло и сердечно вспоминала о своих родителях, о нахичеванских дедушке и бабушке, других родственниках. Своей матери, П.Я. Хлытчичевой она посвятила свою известную повесть «Перемена», написанную на основе впечатлений и осмысления жизни в Нахичевани-на-Дону в годы гражданской войны. Писатель талантливо, любовно воссоздавала ар-

мянскую нахичеванскую субкультуру, обычаи, традиции, образ жизни местных армян, их повседневный быт, одежду, кухню, педагогику, характерные черты их облика и социального поведения [2, с. 14-19].

В Армении М.С. Шагинян впервые побывала в 1917 г., т.е. уже в 29-летнем возрасте. Но еще до этого в ее известном поэтическом сборнике «Orientalia», опубликованном в 1913 г., есть стихотворение «К Армении», которую она назвала «Отчизна дальняя моя»:

С какой отрадой неустанной,
Молясь, припоминаю я
Твоих церковей напев гортанный,
Отчизна дальняя моя!
Припоминаю в боли жгучей,
Как очерк милого лица,
Твои поля, ручьи и кручи,
И сладкий запах чабреца...
Веленью тайному послушный,
Мой слух доньне не отвык
Любить твой грустно-простодушный,
Всегда торжественный язык... [3, с. 62].

Эти слова об Армении были навеяны рассказами родителей, родственников, преданиями, легендами об армянской земле.

Еще до своего первого посещения Армении М.С. Шагинян увлеклась изучением армянских сказок, проанализировала все их публикации, вышедшие в России и за рубежом. Еще не побывав в Армении, ей казалось, как она вспоминала позже, что «я знаю и пейзаж, где родились в народе эти мудрые сказки, и дымные армянские земляные жилища, описанные еще древним историком Ксенофонтom, с их ямой-очагом посередине; и отах – своеобразный настил в этом убогом жилье, подобие деревянной скамьи-наседы, где собиралась вечерами крестьянская семья послушать захожего сказителя...» [4, с. 496].

С лекцией о результатах своего изучения армянских сказок Мариэтта Сергеевна выступила летом 1917 г. в Тифлисе, где тогда жила большая армянская община. «С большой смелостью, вспоминала она позже, – выступила я перед наполненным публикой залом, пылко рисуя им людей, природу и обстановку, которых никогда в

жизни собственными глазами не видела. А в зале сидели и слушали те, кто вырос среди армянских гор...» [там же]. Затем с тревогой ждала реакции слушателей: не наделала ли ошибок. Но к ней подходили тифлиссские армяне, – писала она, – говорили «теплые армянские слова дружбы и подбадривания, какие слышишь только в родной семье» [там же]. М.С. Шагинян особенно важно было услышать слова поддержки великого армянского поэта О. Туманяна, гениально воссоздавшего в своих произведениях жизнь и быт армянской деревни. Он ей сказал: «Лав э, шат лав э. Хорошо, очень хорошо, – воздух Лори я почувствовал» [там же, с. 497]. Эта высокая оценка ее штудий армянских сказок объяснялась не только их тщательным, глубоким изучением, но и ее ярким, творческим воображением, художественным талантом. Именно по совету О. Туманяна она приняла участие в экспедиции Е. Лалаянца, который отправился в Лори записывать армянские сказки [там же].

Тогда же, летом 1917 г. М.С. Шагинян вместе с мужем не могла не посетить руины средневековой столицы Армении, Ани, поскольку всегда помнила, что «и по матери, крымской армянке, и по отцу, измаильцу-григориопольцу, я принадлежу к этой странствующей анийской ветви моего народа» [2, с. 14]. Вспоминая о своих впечатлениях о посещении развалин Ани, она писала о земле исхода своих дальних предков, земле, «которую кровь моя, откликается, чувствует своею, кровной» [там же]. После этого поездки М.С. Шагинян в Армению становятся регулярными.

В 1923 г. писатель опубликовала свою первую книгу очерков «Советская Армения» [5, с. 739]. В 1926 г. М.С. Шагинян предпринимает длительную поездку в Армению и Азербайджан, в результате которой в газетах и журналах появилась серия очерков о различных районах Армении и Нагорного Карабаха. Она снова и снова посещает Армению, а также Азербайджан и Грузию. В результате очерки об этих советских республиках были опубликованы в книге «Советское Закавказье» (М.-Л., 1931).

В 1927 г. Мариэтта Сергеевна едет в Армению к берегам горной реки Дзорагет, где в глубоком ущелье начиналось строительство крупной по тому времени гидроэлектростанции. Полтора года она провела среди строителей этой ГЭС, разделяя с ними все трудности и радости, проблемы и заботы, собирая материалы для будущей

книги. В силу своей деятельной натуры писатель была не сторонним наблюдателем, а энергичнейшим участником строительства. Она изучала технологии строительства, вникала во все проблемы этой сложной стройки. Известный к этому времени писатель М.С. Шагинян не только освещала в центральной печати ход строительства, его проблемы, но и ездила в Москву, Харьков и другие города, выступала в производственных коллективах, изготавливавших оборудование для Дзорагэс, добиваясь выполнения его плановых поставок в установленные сроки. За непосредственное участие в строительстве этой гидроэлектростанции М.С. Шагинян была награждена орденом Трудового красного знамени [6, с. 737]. Литературным результатом этой работы стал роман «Гидроцентральный», опубликованный в 1931 г., получивший высокую оценку общественности страны, литературной критики.

М.С. Шагинян продолжала многократно посещать Армению. Она проехала и прошла всю республику вдоль и поперек. Многолетние наблюдения и размышления о жизни и судьбе армянского народа, глубокое изучение его истории, экономики, общественной жизни, культуры, традиций и обычаев, фауны и флоры Армении, замечательный художественный талант писателя помогли ей создать книгу «Путешествие по Советской Армении», опубликованную в 1951 г. Это произведение – уникальное явление этого жанра в отечественной литературе. Книга адресована читателю, живущему за пределами Армении. Автор поставила перед собой цель: «заразить» читателя желанием посетить эту страну, увидеть ее необыкновенные природно-географические достопримечательности, разбудить в нем интерес к истории армянского народа, его культуре, обычаям и традициям, его национальному характеру.

Будучи талантливым художником слова, М.С. Шагинян не ограничилась яркой образной презентацией Армении, армянского народа во всем их многообразии. Она фундировала свою характеристику Армении, живописание ее экономики, культуры, истории, общественной жизни последними к тому времени достижениями научного знания, проштудировала в процессе создания этой книги более 50 монографий, десятки научных статей, литературных и исторических источников.

Писатель снабдила это произведение обширными собственными примечаниями, в которых дала краткие емкие характеристики армянских исторических деятелей, важнейших событий национальной истории, видных представителей культуры, искусства и литературы, тружеников города и села. Любопытному читателю М.С. Шагинян рекомендовала литературу, которая могла помочь глубже познакомиться с историей, культурой, хозяйственной жизнью, традициями и обычаями армянского народа. Более того, в качестве авторского приложения к книге был приобщен «Краткий очерк древней и средневековой истории Армении, отраженный в памятниках литературы». Эта книга по богатству и разнообразию фактического материала, глубине и основательности его анализа является Энциклопедическим справочником об Армении и армянском народе, не утратившем этого своего значения и поныне.

М.С. Шагинян внесла большой вклад в армянские литературоведение, литературную критику, историю армянской литературы, искусства, культуры. Она написала десятки статей обо всех значительных деятелях армянской культуры, искусства, литературы: Месропе Маштоце, Хачатуре Абовяне, Микаэле Налбандяне, Александре Ширванзаде, Аветике Саакяне, Ованесе Туманяне, Егише Чаренце, Мартиросе Сарьяне, Александре Спендиарове, Габриэле Сундукяне, Рачие Кочаре, Гарегине Севунце и многих других [См.: 7]. Большинство ее очерков является композиционно законченными произведениями, минимонографиями, содержащими, как правило, основные вехи жизненного пути литераторов, деятелей искусства, их яркие личностные портреты, глубокий анализ их творчества, художественной манеры.

Интернационализм был стержневой чертой мировоззрения М.С. Шагинян, ее жизненным и творческим кредо. Среди многочисленных проявлений этой установки – очерк писателя, посвященный азербайджанскому поэту Расулу Рза, обзор творчества азербайджанских прозаиков, в котором содержалась высокая оценка достижения азербайджанских литераторов [*там же*, с. 188-203]. Выступая с докладом на Первом съезде советских писателей в 1934 г., она выделила роман Д.К. Демирчяна «Нигяр», «где прекрасно показано зарождение чувства между комсомольцами двух наций,

до революции враждовавших: тюркской и армянской» [*там же*, с. 3].

В соответствии с поставленной задачей в этой статье сосредоточено внимание на вкладе М.С. Шагинян в армянскую культуру и литературу. Но ведь она еще и написала замечательные произведения, посвященные художественному исследованию российской жизни: роман «Своя судьба», повесть «Перемена», серию приключенческих повестей «Месс-Менд, или Янки в Петрограде», сотни очерков, в которых анализировала реалии российской советской жизни. М.С. Шагинян последовательно обращала внимание на благотворное влияние русской культуры, литературы на армянскую, другие национальные литературы. Она сочинила замечательные очерки о классиках русской литературы А.С. Пушкине, Н.В. Гоголе, И.А. Крылове, Л.Н. Толстом, обосновывала мировое значение русской литературы, демонстрируя живое, современное восприятие классики. М.С. Шагинян создала десятки статей о русских советских писателях, своих современниках А.М. Горьком, А.А. Фадееве, П.А. Павленко, Ю.С. Крымове, В.Ф. Пановой, Б.Н. Полевом, В. Овечкине, В.М. Кожевникове, А.С. Грине, А.Г. Малышкине и др.

Она опубликовала замечательные исследования – монографии о корифеях мировой литературы И.В. Гёте, Т.Г. Шевченко, Низами Гянджеви, композиторе Й. Мысливечке. Ее монументальная книга воспоминаний «Человек и Время. История человеческого становления» (М., 1972), хронологически охватывающая большую часть истории нашей страны в XX веке, является замечательным по глубине анализа и богатству фактического материала источником изучения этой переломной эпохи в жизни нашего Отечества.

Литературное наследие М.С. Шагинян является весомым вкладом в русскую и армянскую литературы и культуры. Оно содержит богатейший клад мудрых мыслей, художественных и научных прозрений, педагогического и нравственно-эстетического опыта большого мыслителя, художника слова. Изучение литературного наследия М.С. Шагинян, возрождение интереса к нему общественности, молодежи представляется актуальной, насущной задачей.

Литература

1. См.: *Тишков В.* Понимание и управление культурным Многообразием в России // Повестка дня для России. Аналитические материалы фонда «Единство во имя России» за 2007-2008 гг. М., 2009.
2. *Шагинян М.С.* Человек и Время. История человеческого становления. М., 1982.
3. См.: *Шагинян М.С.* Собр. соч. в 9 т. Т. 1. М., 1971.
4. *Шагинян М.С.* В венок Туманяну // Собр. соч. в 9 т. Т. 7. М., 1974.
5. См.: *Шагинян М.С.* Собр. соч. в 9 т. Т. 7. М., 1972.
6. См.: *Шагинян М.С.* Собр. соч. в 9 тт. Т. 3. М., 1972.
7. См.: *Шагинян М.С.* Собр. соч. в 9 тт. Т. 7. М., 1974.

ПУБЛИЦИСТИКА МАРИЭТТЫ ШАГИНЯН: НА ГРЕБНЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

В.В. Смирнов

заслуженный работник культуры, профессор, доктор филологии.

Через всё разнообразное творчество Мариэтты Сергеевны Шагинян «красной нитью» проходит философичность видения и понимания ею действительности. И эта тенденция начала проявляться с ее первых серьезных литературных шагов.

М.С. Шагинян родилась в армянской семье, получала образование и формировалась как писатель в те времена, когда русская и армянская культуры оказывали друг на друга плодотворное взаимовлияние. Это особенно ощущалось в Ростове-на-Дону и Нахичевани – двух городах-соседях, где Мариэтта в юности провела немало времени, приезжая в семью деда, известного нахичеванского купца Я.М. Хлытчиева. Здесь, на Дону, два народа волею исторических судеб жили и живут в мире, согласии и в полном взаимопонимании. Крымских армян на Дон вывел А.В. Суворов, воплощая замыслы Екатерины Великой и ее ближайшего сподвижника Г.А. Потёмкина по присоединению Крыма. Сохранился рисунок Т.Г. Шевченко, на котором он изобразил А.В. Суворова, разговаривающего с татарскими мурзами Крыма. Роль А.В. Суворова в мирном присоединении Крыма к России чрезвычайно велика. Есть подобная картина и с портретом князя Потемкина, когда он беседует

с крымским ханом Шагин-Гиреем. Интернациональный колорит русского Юга оказал немалое влияние на формирование мировоззрения М.С. Шагинян, раннее творчество которой было тесно связано с донской землей.

В годы Первой мировой и Гражданской войн Мариэтта Сергеевна жила в Нахичевани-на-Дону. В это время Ростов и Нахичевань практически слились в один город. М.С. Шагинян активно сотрудничала с либерально-буржуазной русской газетой «Приазовский край», редактором которой был армянин С.Х. Арутюнов. С этой редакцией у нее сложились хорошие творческие контакты еще с начала XX века. Она к этому времени была уже опытным, зрелым журналистом и вела в газете собственную рубрику – «Литературный дневник».

Эрудиция и широкий кругозор, склад ума и особенности таланта давали М.С. Шагинян возможность видеть суть острых социальных проблем, поэтому многие её суждения, замечания, оценки не потеряли актуальности и в наши дни. Особенно злободневной представляется публицистика 1918 года – разгара Гражданской войны. Война обостряла, контрастировала восприятие обычной жизни. М.С. Шагинян видела не только «перелом», но и процесс его созревания, не только «перемены», но и характерные ростки новой жизни, т.е была свидетельницей хода истории, а значит – внутреннее проявления ее сути.

Не будем забывать – гражданская война шла не только на полях сражений. Она перепахала души, умонастроения, мироотношения людей. Многие представители творческой интеллигенции впадали в депрессию, теряли нравственные ориентиры, уходили в мистику, эотику... Поэтому вдвойне ценен жизнеутверждающий гуманизм, которым было проникнуто всё творчество М.С. Шагинян.

Главной опорой человека в годы сложнейших социально-политических перемен, тяжелейших противоречий исторического развития России является культура – такой вывод вытекает из совокупности ее публицистических текстов. Причем, подходы к пониманию культуры у М.С. Шагинян широки и разнообразны.

В стране разруха, голод, эпидемии страшных болезней, а М.С. Шагинян в одной из своих публикаций размышляет о воспитании детей! А это значит – она смотрит в будущее! Статья «Маль-

чки и девочки» написана как будто о нашем времени. «Будущее России – это не Европа. Не надо смотреть под ноги англичанам, в спину французам, под каску немцам. Будущее России – это наши дети». И она ставит, казалось бы, далекие от происходящих событий вопросы: «А какие они сейчас? Что читают? Чему и как учатся? Всё у них – с чужого плеча. Они мало что умеют сами. И виноваты в этом – мы, родители, так как уделяем молодежи мало внимания. У взрослых выскочил какой-то гвоздик из голов в наш «нервный век». Она говорит о развале школы, приводя убедительные примеры плохой работы нахичеванских гимназий и училищ того времени. Возможно, кто-то сочтет это оторванным от жизни романтизмом. Но не будем спешить. А разве в наше время, когда на первом плане у нас стоят проблемы экономики, политики, финансов, – вопросы школьного образования, патриотического воспитания, культуры отодвинуты на второй, или какой там еще план. Сотни «умных голов» никак не решат совсем простую задачу: каким же быть школьным учебникам по истории и литературе?

Забывая, а скорее «осознанно не понимая», что наше будущее решается в школах и в вузах, реформаторы толкут либеральную воду в псевдопедагогических ступах. Ау, министр образования России! Просим Вас почитать публицистику М.С. Шагинян, почти столетней давности, ее размышления о значении детского чтения, как базы духовного взросления, о роли хорошего, умного учителя в подготовке активных граждан страны. М.С. Шагинян словно не замечает разрушительной войны. Перед ней стоит задача, которая встанет перед страной завтра – ее волнуют вопросы нравственного воспитания подростков. Она пишет о значении детской книги в воспитании нового поколения. «Где же детская книга?» – вопрошает она и рассматривает проблемы книгоиздания, в том числе, и выпуск дешевой литературы для бедных слоев населения. А уж, М.С. Шагинян знала, о чем писала. Редкостный книголюб и эрудит, она буквально выросла из книги. А мы-то что, совсем забыли грандиозный всеобъемлющий советский опыт книгоучения? Мы, как будто, вновь живем в режиме войны...

Вопросы культуры Мариэтта Шагинян раскрывает и в контексте национальных проблем. Ее рассуждения и выводы звучат особенно актуально в связи с событиями на Украине, и очень важны для их

понимания и оценки. В статье «Культура и курятник» она говорит о двух уровнях национального сознания: «культуре в курятнике» (зоологической, природный национализм) и высокой культуре народного духа. «Куриный национализм – это порождение племенного сознания, культурный национализм – порождение самосознания народа».

Все черты «племенного курятника» хорошо просматриваются в идеях и практической политике нынешних правителей Украины и в действиях «бойцов», так называемого, «Правого сектора», решивших «перекроить» русских в украинцев, или силой подчинить их своей воле. То, что природа выпестовывала веками, нельзя переделывать «враз», тем более кулаками и автоматами. Автомат-то как раз показывает: результат будет убийственный. Это самый настоящий авантюрный «утопизм» самостийной украинской закваски, порождающий только радикализм. М.С. Шагинян пишет о нации не только как единении людей одной народности, а как о «продукте» истории. «Национальность определяет не фамилия, а душа! Национальный характер «вскармливается проникнутостью, единством духовного опыта... Есть русский армянин, русский немец. Собирать людей надо не за шиворот, а... за сердце, не ассимиляцией, а единением». Когда в братоубийственной гражданской войне пропаганда в полную силу использовала шовинистические и националистические (антисемитские, проукраинские, польские, великодержавные русские...) идеи, слова армянской писательницы несли плодотворное зерно взаимоуважения разных народов. Оно зарождалось и проклёвывалось в процессе длительного соседства братских народов друг с другом, в историческом единении, основанном на общих социальных, экономических и культурных ценностях, близости территории... Об это хорошо знала армянка М.С. Шагинян, будучи русской писательницей. Недаром Каталикос Всех армян Вазген I сказал о ней: «Шагинян – дар армянского народа русскому народу».

Мариэтта Сергеевна разоблачает довольно широко распространенные настроения среди части русской интеллигенции о том, что нам нужно учиться у западных стран. Разве это не один из самых болезненных, острых вопросов наших дней? Многие тогда призывали учиться у западных союзников.

«– Чему?» – спрашивала Шагинян. И отвечала: «Надо учиться у передовых стран Европы не вообще, а беря у народов Европы только то, что послужит развитию и просвещению России». Разве это не помогает нам снять обманчивую пелену «борьбы слов», демагогического забалтывания сути, когда либералы критикуют «особенности» пути России. У нее не *особый* путь, а *свой*, как у любой другой страны, имеющей *собственную* историю – от Сан-Марино до США. Впрочем, свой путь имеет и каждый человек. Ведь это же, как говаривали наши умные предки «проще пареной репы».

В одной из своих работ «Русская интеллигенция» М.С. Шагинян полемизирует с ростовским журналистом Лоэнгрином, написавшем статью «Ждущие суда». М.С. Шагинян, обращаясь к «господам присяжным-читателям», т.е. к тем, кто может рассудить их на этом воображаемом суде, утверждает: «Смысл и назначение интеллигенции – мысль и речь. Цель ее – умственная деятельность, Но она должна быть направлена на наше объединение, давать направление, «образумлять события», т.е. объяснять, делать доступными широкой публике, создавая при этом идею общего пути. И не надо хоронить Россию. Она только переходит из «вчера» в «завтра». Неужели перемена есть смерть?»

Наши же лихие либерал-рыцари, утописты-радикалы сегодняшнего дня исправно служат обратной цели: «разорвать» общественное мнение, всерьез озадачили «словом и делом» раскола людей, задачей увести их от конкретной работы по переустройству страны, в болото «митингов и демонстраций», крича на всех (и даже несуществующих перекрестках) об абстрактной свободе, не предлагая взамен ничего реального и стоящего. Как не вспомнить слова старого цыгана, обращенные к Алеко: «Ты для себя лишь хочешь воли». Хотя, впрочем, и А.С. Пушкин не указ нашим либеральным Алекам (нет, я пока не имею в виду – калекам). Что-то мы не слышим голосов наших рьяных правозащитников, животы свои клавиш за «узников болотного дела», в защиту русских людей, убиваемых и жестоко избиваемых на Украине.

Наша либеральная интеллигенция XXI века занимается своей «внутренней гражданской войной». Причем ее идеологи и сторонники не хотят обращать внимания на главное и даже не задумыва-

ются о том, что либеральные ценности должны «произрастать» исторически, естественно, а главное – эволюционно, в процессе освоения их на практике, а не навязываться людям. И не потому, что это неприемлемые ценности, а потому что навязывание ничего путного не даст.

Идея объединения, обретения общего пути – основная гражданская позиция М.С. Шагинян проявляется в ее публицистике особенно ярко, четко, убедительно. И под словами Мариэтты Сергеевны о поисках общего пути мог бы подписаться любой публицист, любящий свою страну, они – знамя и сегодняшнего дня. И это еще раз подтверждает то, что при глубоком изучении проблем нашего Отечества – а они бывают близкими в переломные, перестроечные времена, мы сталкиваемся с тем, что их основа мало меняется в современности. В этом, можно сказать, – завет публицистики М.С. Шагинян; культурно-исторический взгляд на крупнейшие процессы должен быть подчинен не «пустым разговорам и митингам», тем более стоящими на болоте, а направлен на единение народов страны.

В своем «Литературном дневнике» М.С. Шагинян не просто исследует проблемы творчества современников, в частности, Д. Мережковского, З. Гиппиус, В. Розанова, – она обращает внимание на самые болевые точки социально-культурной жизни страны. Так, полемизируя с известным литературным критиком С. Яблоновским по поводу поэмы А. Блока «Двенадцать», она защищает великого поэта, и, в частности, пишет: «Блок любит Россию больше, чем ее хулители, хотя и хулит Россию».

И вновь высказана актуальнейшая мысль, которая сегодня может быть направлена в адрес людей, находящихся в оппозиции к власти, а по сути дела – в оппозиции к России и видящих только теневые стороны жизни. Критика без любви к стране разрушительна для нее. Любовь к России допускает, даже предполагает критику ее недостатков, так как она в таком случае будет конструктивно-созидающей. А ведь эти мысли высказывал еще Н.М. Карамзин в своей «Истории государства Российского», их развивал оригинальный церковный писатель Н.П. Гиляров-Платонов, да и другие общественные деятели. Наблюдения Мариэтты Шагинян подтверждают

и то, как глубоко исторические корни раскола среди российской интеллигенции.

Следует обратить внимание, что в заметках М.С. Шагинян содержится немало нестандартных оценок, любопытных толкований творчества своих современников. Интересен в этой связи развернутый некролог, посвященный оригинальнейшему русскому мыслителю В.В. Розанову. Говоря, что В.В. Розанов «загадка для России» (можно добавить, что он – загадка, собственно, и «самой России»), она улавливает основной нерв его необычного творчества, которое высоко ценили многие выдающиеся современники. Зная лично Василия Васильевича Розанова, она очень точно характеризует стилистику этого удивительного писателя: «особенная теплота Слова», влажность слога, «ужимчивость» мысли... Каждая его строка – золотая». Она пытается разгадать тайну В.В. Розанова и высказывает предположение, что тот постоянно «смертельно боялся страха смерти». В наше время, когда фигура В.В. Розанова и его философское наследие привлекают внимание исследователей и широкого круга читателей (издано Полное 30-томное собрание сочинений), изучение эффекта необычайного воздействия на духовную жизнь общества этого «философа без теорий» вдвойне актуально. Возможно, В.В. Розанов воплотил собой и своим творчеством «внутреннюю сущность» своеобразия русского духа, которую никак не хотят замечать «прогрессисты» и либерал-революционеры. А ведь В.В. Розанов многое объясняет в характере русского народа и природе самой революции, и, тем самым, в своеобразии национальной жизни.

Этот анализ литературных заметок М.С. Шагинян не должен создавать впечатления, что в ее публицистике довлеет социологизм, идеологизация. Она была раскрепощенным и тогда еще *непартийным* мыслителем. В этом контексте для нас представляет интерес и литературный портрет М.С. Шагинян Мартироса Сарьяна. В Нахичевани эти два выдающиеся представителя армянской культуры не только встречались, но и подружились. Мартирос Сарьян, в свою очередь, создал яркий живописный образ Мариэтты Сергеевны Шагинян.

М.С. Шагинян, живо интересовавшаяся новым искусством, современной философией, поэзией начала века, дала точное, на наш

взгляд, определение сути сложного по своей художественной манере творчества М. Сарьяна. Размышляя о своеобразии и природе изобразительного искусства, подчеркивая, что есть разные направления, течения, индивидуальные манеры, стили в живописи (импрессионизм, символизм, кубизм), она утверждает, что в основе их лежит все-таки реальный мир, т.е. они в той или иной степени реалистичны, и она просит читателей не путать реализм с натурализмом. «Реализм есть общее в искусстве, но он проявляется в разных формах». М.С. Шагинян здесь предвосхищает идеи французского мыслителя Р. Гароди, высказанные им значительно позже в книге «О реализме без берегов». И эти её идеи – база для критики постмодернистского искусства, основанного не на живой реальности, а «дурном» (Гегель) конструировании мира придуманного. Неслучайно, многие либеральные художники общественные деятели защищают именно это, оторванное от реальной действительности «искусство». Как же, как же – свобода выражения индивидуально-го духа! Как можно пройти мимо!

М.С. Шагинян старается убедить читателей в том, что Мартирос Сарьян – реалист: «Картины Сарьяна реалистичны, потому что дают нам не только тело, но и душу изображаемых предметов, их сущность». Здесь она демонстрирует широкий взгляд на природу современного изобразительного искусства, которое в XX веке сделало громадный «формальный» рывок под воздействием бурного технического прогресса. И она опирается в этой идее на одну из мыслей самого М. Сарьяна о живописи и графике: «*Положить жизнь* (выделено мной – В.С.) при помощи штриха – удел мастера».

Когда говорят, что М.С. Шагинян, прожив долгую жизнь, была свидетельницей крупнейших событий XX столетия, то это не совсем точно. Свидетель, как правило, видит всё со стороны. Она же жила и активно участвовала в событиях, которые решали и ее личную судьбу. Во время пребывания в Нахичевани в то действительно судьбоносное время М.С. Шагинян пережила очень многое. И всё, что происходило в стране, давало ей горячий материал для осмысления крупнейших проблем, поставленных Временем и тех процессов, в которых рождались и развивались эти проблемы. И

она поднималась в своих размышлениях до «философских обобщений».

Острейшие вопросы социального бытия времен Гражданской войны М.С. Шагинян ставит в статье «События и быт». Говоря о сущности социальности человека, она подчеркивает значение быта в ее формировании. «Четыре года назад люди крепко сидели в быте как птицы в гнездах». Война перевернула их жизнь. Везде масса беженцев, дороговизна, всем руководит голая выгода. «Дом», формирующий человека, перестал быть «обителью», защитой, духовным пристанищем. Он стал «кровлей», проходным местом. Война сдвинула человека с насиженного гнезда. Дорожание «вещей» обесценивает суть «вещи». Собственность, вещь стала цениться не как необходимость, она стала товаром. Стал теряться «домашний уют», отсюда – обесценивание дома как «семейного очага», далее – обесценивание семьи (добавим, в конечном счете, и самой жизни В.С.). Люди идут в кабаки, клубы, театры, кофейни... М.С. Шагинян называет этот процесс, на глазах становящийся массовым, «могучим сдвигом в сознании обывателя». Вместо сущностного обладания приходит внешнее владение, стяжание. Владению же вещью самой по себе для владельца безразлично. Эти наблюдения М.С. Шагинян позволяют по-новому взглянуть на эпоху войн и революций, на их влияние на бытие человека. Эти процессы в дальнейшем получили свое продолжение и развитие. Век новых технологий с его скоростями «сдвинул» человека в иное экзистенциальное существование. Тотальные планетарные процессы XX столетия начали влиять на психологию масс, деформируя не только старый уклад жизни, но само миропонимание. Убедительно аргументированная, глубокая публицистика М.С. Шагинян показывает: времена крупных перемен обнажают корневую суть русских проблем, поэтому они так созвучны эпохе новой перестройки России.

М.С. ШАГИНЯН ОБ АРМЕНИИ И АРМЯНСКОМ НАРОДЕ

Судликян В.А., учитель МБОУ лицея 13
Коришунва Е., ученица 7 класса МБОУ лицея 13
Шинкаренко Е., ученица 7 класс МБОУ лицея 13

История, культура и характер любого народа отражены в произведениях писателей, художников, публицистов. Ярчайшим примером может служить многолетнее и многогранное творчество Мариэтты Сергеевны Шагинян. Писатель, ученый, публицист, искусствовед, мыслитель М.С. Шагинян родом из древней страны – Армении.

Многие годы своей творческой деятельности посвятила своему народу и родной земле. М.С. Шагинян впитала яркие впечатления о пребывании в Армении и воплотила их во многих художественных произведениях и статьях. Несомненно, изучить и описать национальную особенность очень трудно, поэтому вклад писателя требует разностороннего инструментария.

Легендарная писательница владела значительным набором научного и художественного познания. Чуткая душа и зоркий глаз позволили ей обращать внимание на тонкие детали и элементы жизни армянского народа. Так, например, важным элементом являлось умение общаться с людьми, доверие к ним, умение слушать и слышать. Всё это помогало ей накапливать, осмысливать колоссальный объем сведений.

Интерес М.С. Шагинян к армянской культуре, литературе, искусству, народу был глубоко проникающим. Так, например, в книге «Об армянской литературе и искусстве» она писала: «Эта маленькая книга писалась сорок с лишним лет». Основные статьи о Хачатуре Абовяне, Микаэле Налбандяне и Александре Ширванидзе были плодом долгой работы и представляют собой как бы эскизы больших, задуманных мною фотографий. Остальное в книге – ряд непосредственных откликов на яркие события армянской культуры, с которыми пришлось за эти годы соприкоснуться. Таких откликов было, разумеется, гораздо больше, чем помещено в книгу, но я отбирала по принципу наибольшей характерности и разносторонности».

С глубокой сердечностью М.С. Шагинян комментирует публикации армянских сказок. В своих заметках писательница отмечает характерные черты, особенности мифов, которые приняли национальную армянскую форму. Важную роль играет солнечный миф. «Солнце – источник постоянного мифотворчества у всех народов: стало быть, армяне, мифологизируя его, отдают дань общему культу. Донедавне крестьяне араратских деревень клянутся солнцем, чтут его, часто употребляют эпитет «солнечный», прибавляют его к именам. Для армян солнце – символ мужественности, понимаемой не только как сила, но именно как мужская сила».

Длительная поездка в Армению, страну, с которой М.С. Шагинян была связана всю свою жизнь, впоследствии отразилась в дневниковых записях за ноябрь 1950 года. Дневник послужил основой для книги «Путешествие по Советской Армении». Часть записей отражают все заметные события в жизни армян, красоту армянской земли, колорит армянского народа: «Я очутилась в царстве «генов», разноголосица которых забила мне уши, как морской шум забивает раковину. Я ответвилась от этого народа, поросла его веточкой – и мне стало жизненно важно разобраться в судьбах армянского народа, осевшего колониями на русской земле».

Исключительный интерес представляет каждый штрих, каждая деталь наблюдаемой жизни в Армении. Воспоминания моментов из жизни армянской семьи вызвали у писательницы особый интерес. По ее словам, еда в армянской семье носила праздничный характер. Ее приготовлением занималась вся женская половина дома, включая детей. «Труд может показаться скучным. Но если кто-то перед вами делает сей труд обаятельно, труд становится заразительным. Дети начинают хотеть: Дайте попробовать! И требуют с затаенным дыханием, с наслаждением в глазах – так надо учить!».

Читая великолепные произведения М.С. Шагинян, представляешь колорит, полноту жизни в Армении. Свои воспоминания, впечатления о путешествии в Армению писательница сохранила до конца своих дней, использовала в своем творчестве.

Творческая деятельность Мариэтты Сергеевны Шагинян проникнута изучением истории, исследованиями. Особое место занимает творческий метод журналистики. Неотъемлемой частью ее творчества стали дневники, в которые М.С. Шагинян заносила свои

дорожные впечатления, беседы с людьми, свои наблюдения – всё, что впоследствии помогло ей в публицистических и художественных работах. Во всем этом она видела свое призвание.

В заключение хочется сказать, что творчество Мариэтты Сергеевны Шагинян наполнено многолетними историческими событиями, размышлениями, поиском правды и добра – всем тем, что сохраняет достоверные эпизоды из жизни армянского народа.

ПЕРЕПИСКА С.С. Н.С. ЛИСИЦИАН С М.С.ШАГИНЯН

М.Ю. Соколова, заведующая отделом
Музей русско-армянской дружбы
ГБУК РО «Ростовский областной Музей краеведения»

Трудно переоценить значение эпистолярного наследия для истории. Переписка прошлых поколений позволяет нам понять их радости и заботы, выработать представления о ценностях жизни людей, ставших историей. Даже письма просто бытового содержания становятся важным источником для познания конкретной эпохи [1].

Значимым событием для ГБУК РО «Ростовский областной музей краеведения» стала передача на постоянное хранение Еленой Викторовной Шагинян, внучкой известной писательницы Мариэтты Сергеевны Шагинян, ее переписки с родными, друзьями (письма семьи Лисициан).

Переписка М.С. Шагинян и Србуи и Назили Лисициан, дочерей известного географа, этнографа, историка и филолога, доктора географических наук, профессора Лисициан Степана Даниловича представлена 113 документами [2]. Это письма, поздравительные открытки, телеграммы, конверты с адресами получателя и отправителя, лист отрывного календаря, датированный 2 апреля 1973 года с краткой информацией о М.С. Шагинян, ответ редакции общественно-политического журнала «Советский Союз» на письмо-запрос М.С. Шагинян.

Переписка известной писательницы Мариэтты Сергеевны Шагинян с заслуженным деятелем науки Армянской ССР Србуи Степановной Лисициан и ее сестрой, доктором экономических наук

Назили Степановны Лисициан длилась с 1958 по 1981 гг. К сожалению, в семье Шагинян сохранились только письма, адресованные М.С. Шагинян. Но и они позволяют проследить определенные аспекты жизни и деятельности как Мариэтты Сергеевны, так и ее друзей Сбруи Степановны и Назили Степановны.

В судьбах Сбруи Лисициан и Мариэтты Шагинян много общего. Они обе обучались, в разное время, на Историко-филологическом отделении Высших женских курсах Н.И. Герье в Москве, обе посвятили свою жизнь творчеству и науке.

Разносторонне одаренные, деятельные женщины, которых не могли сломить никакие испытания. Более пятидесяти почтовых отправлений написаны рукой С.С. Лисициан, пятнадцать ее сестрой Н.С. Лисициан, имеется письмо, отправленное от имени обеих сестер.

Информацию, которая содержится в письмах Лисициан, можно разделить на несколько групп:

1. Работа С. Лисициан над многотомным исследованием «Старинные пляски и театральные представления армянского народа» (первый том был издан в Ереване в 1958 году, второй том в 1972 году, третий и четвертый тома остались в рукописях).

2. Публикация монографии отца «Армяне Зангезура» (Ереван, 1969 г.)

3. Обращение к М.С. Шагинян за помощью в связи с выходом в газете «Правда» фельетона «Ухарь-купец» С. Нариньяни (С.Д. Нариньянц).

4. Восхищение книгой «Иозеф Мысливчек», отзывы о выступлении М.С. Шагинян на вечере, посвященном Иозефу Мысливечку, чешскому композитору XVIII века.

5. Суждения С. Лисициан о выборах в АН АССР.

6. Жалоба М.С. Шагинян на публикацию в № 12 общественно-политического Журнала "Советский Союз" 1959 г. статьи, в которой балетмейстер Д. Джавришвили считался создателем единственно удачной методики схематичной записи танца.

7. Поздравления с праздниками и юбилеями.

8. Информация личного характера.

Наиболее часто в письмах Сбруи Лисициан обращается к теме работы над своим многотомным исследованием «Старинные пля-

ски и театральные представления армянского народа», над которым она трудилась до последних дней своей жизни. В некрологе, опубликованном в журнале «Советская этнография», подчеркивалось: «Она не только первая обратилась к записи армянского танцевального и театрального фольклора, но и открыла законы армянского народного плясового творчества и специфику национальной формы плясовых движений. По своей значимости это открытие в истории армянской культуры стоит в одном ряду с открытием армянского национального мелоса. Теоретические положения С.С. Лисициан и ее методика анализа движения легли в основу нового направления в этнографии – этнохореографии, а созданная ею школа получила заслуженное признание ученых нашей страны» [3, с. 189].

Из ее писем и писем Назили Мариэтта Шагинян узнает о публикации первого тома в 1958 году в Ереване, о сложной и кропотливой работе над вторым томом, которая продолжалась более десяти лет. В своем письме, отправленном 23 января 1960 года, Сбруи Степановна так характеризует свою работу: «Дорогая моя Мариэтточка! Получила Вашу открытку и была очень рада весточке о Вас. У меня всё по-старому. Работаю много, устаю. Работа трудоемкая, мелкая, в особенности, над текстами песенплясок на армянском, курдском и турецком языках и над их мелодиями. И всё это придется перевести на русский язык».

О трудностях работы над вторым томом Сбруи Степановна упоминает и в письме, датированном 18 марта 1961 года: «... Дорогая Мариэтточка! Была очень рада получить Ваше трогательное письмо, но была так перегружена, что отвечаю только сегодня. До того занята, что набрала уйму долгов своим корреспондентам, не успеваю писать письма. Всё занята II томом и никак не дойду до конца. То надо возиться с магнитофонными записями мелодий, то с их текстами на армянском, курдском и турецком языках, то с чертежами, то с рисунками для таблиц».

О завершении рукописи и о предстоящем издании второго тома С. Лисициан сообщает «Дорогой Мариэтточке» только в поздравительной открытке, отправленной 6 ноября 1970 года. В последующих письмах неоднократно упоминается о работе над третьим и четвертыми томами рукописи.

В письмах С. Лисициан, отправленных в период с 1959 года по 1969 гг., постоянно возвращается к вопросу о работе по публикации монографии отца «Армяне Зангезура».

Србуи Лисициан очень внимательна к достижениям М.С. Шагинян, которым искренне радуется. Она поздравляет писательницу со всеми ее достижениями.

"Захлебываясь, читаю Мысливечка... Это надо прочесть залпом, чтобы выпить всю бурлящую пену вдохновения влюбленной в тему женщины-творца" (письмо на почтовой карточке, написанное С.С. Лисициан Шагинян Мариэтте Сергеевне от 5 ноября 1964 года.)

В ее письмах просматривается обеспокоенность в связи с отсутствием писем от Мариэтты Сергеевны, особенно в письмах, написанных в 70-е годы XX века. В этот период Србуи Сергеевна сама подолгу и тяжело болеет. Но никакие недуги не могут отвлечь ее от успехов писательницы М.С. Шагинян.

В открытке, отправленной в феврале-марте 1973 года, Србуи Степановна искренне радуется выздоровлению М.С. Шагинян: "Моя дорогая Мариэтточка, С нашим женским праздником! Надеюсь, Вы сейчас уже совершенно здоровы, отделались от всех болей. Желаю окончательного выздоровления и новой прочей. Энергии от работы. 28.11 Вас показывали по телевизору, такую молодую, такую энергичную, такую звонкоголосую, такую обаятельную, я не могла налюбоваться. Будьте всегда такой, мой дорогой, любимый друг! Нежно обнимаю, крепко целую. Ваша Србуи".

Состояние здоровья и возраст, дела не позволяли Србуи Лисициан и Мариэтте Шагинян встречаться. Но это не мешало им проявлять внимание и уважение друг к другу. В послании от 28 декабря 1964 года, написанном на бланке новогодней открытки, С.С. Лисициан благодарит М.С. Шагинян за поздравление с юбилеем, сообщает о том, что ей было прислано 92 телеграммы "в том числе от Анастаса Ивановича Микояна, из Большого театра – от Чулики, Улановой, Плисецкой, Стручковой и др». Из письма Назили Степановны, отправленного в тоже время, узнаем, что поздравительная телеграмма от Мариэтты Сергеевны Шагинян была зачитана с особой торжественностью. И момент прочтения был запечатлен на кинолентку.

В письмах сестер Лисициан содержится не только информация о научной деятельности, торжествах. Они сообщают о маленьких семейных радостях и горестях, о повседневных заботах и бытовых проблемах, ходе дел у друзей и знакомых. В конце 60-70-х годов XX века в письмах сестер всё чаще сообщается о плохом состоянии здоровья Сбруи, что, впрочем, не мешает ей заниматься научной работой.

После смерти Сбруи Степановны Лисициан ее сестра Назили Степановна продолжала писать Мариэтте Сергеевне Шагинян. В январе, поздравляя Мариэтту Сергеевну с Новым годом, выражает ей свою искреннюю благодарность за опубликованную статью о Сбруи Степановне Лисициан.

Еще одно поздравление с Новым Годом Назили отправляет внучке Мариэтты Сергеевны Елене Викторовне Шагинян, с благодарностью за то, что она "так хорошо ее оберегает".

Елена Викторовна Шагинян была для своей бабушки, писательницы с мировым именем, не только любящей внучкой, но и преданным секретарем. Она сохранила ее личную переписку, которая позволяет открыть ранее неизвестные моменты повседневной жизни известных и знаменитых представителей интеллектуальной элиты СССР.

Литература

1. *Кром М.М.* Повседневность как предмет исторического исследования (Вместо предисловия). Источник. Историк. История. Выпуск 3. История повседневности. Сборник научных работ. СПб., 2003, с. 7-14.
2. ГБУК РО «Ростовский областной музей краеведения», КП26557.
3. Советская этнография. 1980. № 2.

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ КУЛЬТУРА ОБЩЕНИЯ НАРОДОВ?

Ответ находим в творческом опыте М.С. Шагинян

А.П. Марченко, к.ф.н., доцент МБОУ лицея № 51, почётный работник высшего профессионального образования РФ

На протяжении тысячелетий мировой истории под воздействием различных факторов как внутривосточных, так и исходящих

извне возникают затруднения в культуре общения между народами.

Известно, что в межнациональном общении важная роль принадлежит взглядам, представлениям, установкам, чувствам, привычкам людей. От того, какими идеями, чувствами руководствуются люди разных национальностей в процессе общения, во многом зависит характер культуры межнационального общения в нашем современном многообразном и богатом не только количеством народов и национальностей, но и укладом жизни, культурой, обычаями мире [1].

В процессе информационного искажения исторических фактов, однобокого отображения современных событий возникают идеи подчеркивания исключительности одной нации над другой. Таким примером служат события государственного переворота 2014 г. на Украине, нарастающая волна национализма в Европе, и их отображение в течение 2014 года – начала 2015 года в средствах массовой информации в подавляющем большинстве европейских стран и Северной Америки. Сопутствующее этим политическим действиям порождение таких качеств, как высокомерие, пренебрежение, унижительное отношение к представителям определенных национальностей неизбежно ведет к разногласиям между дружественными в недавнем прошлом народами, постоянным дискуссиям об исторических событиях Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., вооруженным конфликтам между представителями различных народов, что препятствует торжеству высокой культуры межнационального общения, благодаря которой реализуется естественная потребность человека в общении, одна из базовых потребностей современного общественного человека, имеющая нравственно-психологическую сторону, заключающуюся в необходимости получения человеком эмоциональной поддержки, сопереживания, признания, взаимопонимания и согласия.

«Мы многонациональное общество, – писал В.В. Путин в статье «Россия: национальный вопрос» в 2012 году, – но мы единый народ. Это делает нашу страну сложной и многомерной, дает колоссальные возможности для развития во многих областях. Однако если многонациональное общество поражают бактерии национализма, оно теряет силу и прочность. И мы должны понимать, какие

далеко идущие последствия может вызвать попустительство попыткам разжечь национальную вражду и ненависть к людям иной культуры и иной веры» [2].

Как устоять от проявления национализма, шовинизма, антисемитизма, разжигания национальной розни между народами, от воздействия сложной информационной войны на нашу национальную идентичность? Как выстоять в этой войне и победить нам, наследникам страны-победительницы во второй мировой войне? Как добиваться в нашей повседневной жизни того, чтобы высокая культура межнационального общения становилась неотъемлемой составляющей всего образа жизни и поведения?

За ответами на возникающие у нас неизбежно вопросы мы обращаемся к творческому и гуманитарному наследию Мариэтты Сергеевны Шагинян, мудро поставленной в Год Литературы в России в один ряд с нашими донскими земляками – выдающимися мировыми писателями – А.П. Чеховым и М.А. Шолоховым.

Писатель, ученый, публицист, мыслитель, искусствовед Мариэтта Сергеевна Шагинян родилась в армянской семье, многие годы жила и творила в г. Нахичевани-на-Дону, впитав яркие впечатления о пребывании в этом городе, и воплотила их во многих художественных произведениях и статьях.

Постоянное общение с родными, друзьями, близкими дало ей возможность впитать в себя культуру, мудрость армянского народа, сохранить их в своей памяти и в течение всей своей творческой жизни в той или иной мере их воспроизводить не только в своем творчестве, но в непосредственном общении с людьми различных национальностей.

Будучи человеком советской эпохи М.С. Шагинян не теряла своей национальной идентичности, писал об этом так поэтично: «Я ответвилась от этого народа, проросла его веточкой – и мне ...жизненно важно разобраться в судьбах армянского народа, осевшего колониями на русской земле» [3, с. 5].

Что помогает человеку не только обрести свою идентичность, но и понять и принять идентичность иного народа? С детства нам известны сказки нашего народа, в которых *добро* побеждает *зло*. Мариэтта Сергеевна не только знала армянские сказки, но и пыта-

лась найти в этих старинных сказаниях то изначальное зерно, которое формирует, влияет на жизненное кредо человека в будущем.

Так, комментируя публикации армянских сказок, М.С. Шагинян отмечает характерные особенности мифов, принявших национальную форму армянских сказок. В подтверждение своей мысли она приводит солярный миф. «Солнце, – пишет она, – источник постоянного мифотворчества у всех народов; стало быть, армяне, мифологизируя его, отдают дань общему культу. Донуны крестьяне араратских деревень клянутся солнцем, чтут его, часто употребляют эпитет «солнечный», прибавляют его к именам. Уцелели выражения: «призываю в свидетели своё солнце», «знает про то твоё солнце»; подразумевается, что у каждого человека есть своё солнце, подобно представлению об «ангеле каждого человека». Для армян солнце символ мужественности, понимаемой не только как сила, но именно как мужская сила» [4, с. 33-34]. Очень точное и верное замечание, сделанное ещё в середине XX века. И если бы солярный, т.е. солнечный, вектор был усвоен, принят в построении отношений между людьми в межнациональном общении, то уже более пятидесяти лет крепла бы духовно-нравственная сила (сила солнца), которая управляет связью человека с себе подобными и позволяет выстраивать отношение человека к другому как к личности, а не как к объекту удовлетворения своих потребностей или интересов; собеседник воспринимался бы как соучастник, как соратник, помощник, товарищ и друг единых действий, развивающих и поддерживающих мир, а не рознь и войну. Верность рассуждений Мариэтты Сергеевны подтверждает деятельность современного писателя М.Н. Задорнова по поиску мифологических оснований истории Великой Руси, опубликованных в его романе «Рюрик. Полет сокола» [5].

Для того, чтобы усвоить этот великий творческий опыт М.С. Шагинян, нужно постоянно обращаться к нему, сверять свои шаги в реальной жизни с наследием писательницы, учиться у нее выковыванию стойкой жизненной позиции. Вспомним, как весть о Великой Октябрьской революции застала Мариэтту Шагинян на родине ее матери. К тому времени она уже приняла близко к сердцу большевизм и, находясь в центре гнезда контрреволюции, ждала переворота как спасения и освобождения. И не только ждала, но и

действовала: встречалась с рабочими, читала им запрещенные большевистские издания. Октябрь, пришедший в Ростов-на-Дону, стал для нее, как не раз повторяла она, переживанием самого огромного счастья в ее жизни.

Пример активной жизненной позиции, непосредственного участия в создании реального нового мира, участия в делах обустройства своей родины дает нам обращение к творческому опыту М.С. Шагинян, когда она в тяжелейших условиях послевоенной разрухи, почти на пустом месте в короткий срок создает в Ростове-на-Дону первую прядильно-ткацкую школу и ее филиалы в ряде станиц. Все перипетии создания школы Мариэтты Сергеевны запечатлела в очерке «Как я была инструктором ткацкого дела».

Еще один эпизод из жизни Мариэтты Сергеевны. В 1936 году коллектив Центрального телеграфа Москвы единогласно избрал Мариэтту Сергеевну депутатом Моссовета. «Утром следующего дня, как описывает Л. Пишенина, уткнувшись в газету «Известия», она вдруг подскочила от неожиданно вспыхнувшего негодования. На глаза попался фельетон братьев Тур, в котором они именовали телеграф «стойкой старухой». «В другое время, – читаем мы в ее депутатском дневнике, – я хохотала бы над фельетоном, но сейчас было не до хохота. У меня за телеграф горело лицо, я приняла «стойкую старуху» прямехонько на свой счет. И смертельно возненавидела братьев Тур. Ну, подожди ж ты, думала я, а вот мы покажем, какая мы стойкая старуха!» Писательницу возмутила легкость, с которой фельетонисты обвиняли телеграф в плохой работе, не указав ее причин. Со свойственным ей упорством Мариэтта Сергеевна в течение месяца ежедневно знакомилась с работой телеграфа: разговаривала с людьми за их рабочими столами, изучала оборудование, помогала приобретать новое. И только после того, как связисты вышли на передовые позиции, стали коллективом образцового труда, М.С. Шагинян послала свой отчет депутата в «Правду», а затем написала о Центральном телеграфе большой очерк, изданный некоторое время спустя отдельной книгой. Цитирую концовку этого очерка: «Заканчивая краткий отчет о первой победе моих избирателей, я вспоминаю, ведь и мне надо дать телеграмму. Мысленно сажусь за Бодо... нет, за Шорина... нет, лучше за трудный Тремль и выстукиваю на клавиатуре по буквам: «Извес-

тия» братьям Тур Стойкая то старуха постояла за себя братцы привет точка» [6].

Казалось бы, данный факт из жизни творца случился более восьмидесяти лет назад! Какое отношение он имеет к современной ситуации в России и информации вокруг нее и вокруг политики ее государства? Огульно трудовой коллектив в газете назван обидным выражением. И этот факт вызывает у Мариэтты Сергеевны не просто негодование, а стойкое желание добиться правды, опровергающей эту клевету. Для этого «она стремилась всё увидеть собственными глазами, всё узнать из «первых рук», чтобы обо всем иметь собственное суждение» [7, с. 195].

Именно «зоркий глаз и чуткая душа» позволяли М.С. Шагинян обращать внимание на всё то важное, значимое, что было в окружающей её жизни при общении со многими людьми, проявлять доверие к ним, умение слушать, слышать и услышать то, что помогало ей накапливать, осмысливать колоссальный объем сведений и формировать свою стойкую жизненную позицию [8, с. 314], что так необходимо для участия в межнациональном общении.

Литература

1. Культура межнационального общения. Учебно-методическое пособие. Ростов-на-Дону, 2003.
2. *Путин В.В.* Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 января.
3. Культура в жизни и творчестве М.С. Шагинян: Материалы I Шагиняновских чтений (г. Ростов-на-Дону, 3 апреля 2014 г.). Ростов-на-Дону, 2014.
4. *Шагинян М.С.* Об армянской литературе и искусстве. М., 1961.
5. *Задорнов М.Н.* Рюрик. Полет сокола: роман. М., 2013.
6. *Пишенина Л.* «Увидеть, познать, пережить...» К 100-летию Со дня рождения Мариэтты Шагинян // Электронный ресурс: [ht fan/pishenina 1 .htm](http://fan/pishenina1.htm). Дата обращения: 4 апреля 2014 г.
7. *Сагал Г.* Двадцать пять интервью. М., 1974.
8. *Авдулов Н.С.* Нахичевань в жизни и творчестве Мариэтты Шагинян // Армяне юга России: история, культура, общее будущее: материалы Всероссийской научной конференции (30 мая – 2 июня 2012 г., Ростов-на-Дону). Ростов-на-Дону, 2012.

ЛЕНИНСКАЯ ТЕМА В ТВОРЧЕСТВЕ М.С. ШАГИНЯН

Н.С. Авдулов, к.ист.н., профессор ЮФУ

Ленинская тема в творчестве М.С. Шагинян в наши дни приобретает особое значение. В условиях, когда ради политической конъюнктуры учение и личность В.И. Ленина искажены до абсолютной неузнаваемости, обращение к публикациям М.С. Шагинян становится актуальным. К изучению В.И. Ленина она подошла как глубокий, серьезный ученый-исследователь. По ее словам, она страстно хотела узнать и почувствовать, какие качества «сделали Ленина вождем международного рабочего движения, почему и за что он стал так любим человечеством, каким свойствам его характера нужно научиться подражать...» [1, с. 457]. В поисках ответа на эти и другие вопросы М.С. Шагинян перечитала буквально всё важное, что можно было прочитать в то время. Она встречалась со многими из тех, кто работал или встречался с В.И. Лениным. Ею были изучены тысячи документов. С величайшей дотошностью она осмысливала каждый значимый факт становления, жизни и деятельности В.И. Ленина.

Интерес к личности В.И. Ленина и его учению у Мариэтты Сергеевны не был случайным. Он был выражением глубокой потребности, «а потребность рождалась самой жизнью, – писала она, – мы день за днем жили вместе со страной» [2, с. 774]. А страна жила созиданием нового мироустройства. Требовалась осмысленность, понимание трудностей, сложностей и острых противоречий. На каждом шагу приходилось решать новые проблемы, ранее неизвестные, встречать ошибочные представления о будущем, о путях движения к нему. «Так был задуман мною большой эпос об истоках того нравственного мира, той духовной атмосферы, с которой зародилось и развивалось учение Ленина» [2, с. 775].

Вполне обосновано к первоисточкам формирования личности В.И. Ленина она относит семью. «Мы привыкли считать естественным и присущим человеку положительные вещи правдивость, нравственную чистоту и доброту, семейную дружбу, любовь, уважение детей к родителям, внимание родителей к детям, наличие в семье начал воспитывающих, организующих, служащих добрым

примером. Эти качества представляются нам как нормальное положение вещей в настоящей, хорошей семье. Но фактически в полном и безоговорочном своем виде оно встречается не так часто. Можно – без боязни отступить от правды – сказать даже, что встречается крайне редко. Но если такое положение вещей действительно встречается без малейшего отклонения от нормы, то мы можем смотреть на такую семью, как на образец, как на отдельно конкретное проявление черт общечеловеческих, черт, необходимых для общества. И потому нормальное, выраженное в самой полной, безоговорочной форме, приобретает черты норматива, чего-то, что можно выдвинуть как пример для подражания, как образец прекрасного, по которому хочется равняться и в атмосфере которого хочется жить» [2, с. 781]. Такими словами М.С. Шагинян предваряет рассказ о семье, в которой родился и вырос В.И. Ленин. В семье Ульяновых неизменно культивировались навыки к труду, дисциплине, порядку, чтению, музыке. Отмечая высокую культуру семейного общения М.С. Шагинян выделяет такую характерную черту как деликатность. Отец, Илья Николаевич, был «великий мастер деликатности» [2, с. 58]. В книге М.С. Шагинян дает развернутое понимание такой довольно редкой особенности культуры человеческого общения. «Деликатность и такт – свойства трудные и более редкие, чем талант. Их нельзя представить или разыграть, не сорвавшись. Их нужно иметь, и тогда они скажутся сами собой в тысяче пустяков, в том молчаливом, невидимом на поверхности, странном внутреннем сговоре, в каком обиженная или огрубелая, дикая или порочная, но не совсем пропащая душа человекья, вдруг как бы выйдет из своей защитной скорлупы, из военной маскировки, из полумертвой спячки, словно на тайную, одной ей слышимую мелодию, безоружно, в полном доверии приближается к другой душе, – а та и поет-то свою мелодию без всякого умысла, просто потому, что ей свойственно петь ее» [2, с. 371]. Так, возвышенно и поэтично М.С. Шагинян размышляет о деликатности, о ее внутренней сущности. Далее, продолжая свою мысль, она конкретизирует и углубляет применительно к Илье Николаевичу Ульянову. «Илье Николаевичу было свойственно почти физически чувствовать чужое бытие – характер, натуру, настроение ученика, – чувствовать с подлинно внутренним равенством – главным условием деликатно-

сти. Обидеть, заподозрить, хотя бы чем-нибудь уязвить человека, нанести удар по себялюбию было для всей его собственной натуры также отвратно, как съесть кусок железа, и в классе тотчас почувствовали, что в каждом из них он видит и уважает равного себе человека. К тому же он весь светился добрыми своими карими глазами, когда вскидывал их на отвечающего, – и ученики просто влюблялись в этот мягкий взгляд, стерегли физика по коридорам, чтобы гурьбой пойти с ним, взять его с двух сторон под руки или даже осмелиться обнять за талию, повиснуть на нем» [2, с. 37]. Те же черты деликатности, равенства, чувствования другого человека, отмечает М.С. Шагинян у В.И. Ленина.

В статье «Четыре урока у Ленина», опираясь на документы, воспоминания соратников, а также на труды самого В.И. Ленина она приходит к философским размышлениям и выводам, которые могут служить уроком и в наши дни. «Именно от полноты своего материалистического сознания Ленин очень сильно ощущал реальное бытие других людей. И каждый, к кому подходил Ленин, не мог не чувствовать *реальность этого подхода* человека Ленина к другому человеку, а значит, не мог не переживать ответно свое человеческое равенство с ним» [1, с. 468]. М.С. Шагинян высоко ценила такое качество у В.И. Ленина, полагала, что оно должно становиться нормой человеческого общения. «Переживали ли вы когда-нибудь, читатель, особое счастье от общения с человеком, который, вы чувствуете, подошел к вам с тем выражением равенства, когда его «я» ощущает реальное бытие вашего «ты»? Это не так уж часто бывает на земле. Люди разные во всем. Не только по внешнему положению в обществе, но и по таланту, по уму, по характеру, по возрасту, по степени внешней привлекательности. Но в одном они равны абсолютно. В том, что все они *реально существуют*. И вот в присутствии живого Ленина и даже в чтении – одном только чтении его книг – каждый из них испытывал *живое счастье утверждения твоего собственного бытия*, каким бы маленьким или ничтожным ни казалось оно тебе самому. Мне кажется, это одна из очень важных причин, почему людям было хорошо с Лениным и Ленину было хорошо с людьми» [1, с. 469-470]. В этом М.С. Шагинян видела секрет, тайну обаяния В.И. Ленина, великую простоту, сердечность, товарищество в его общении с другими

людьми. «Никогда не было у него равнодушия к человеку или невнимания к его прямым нуждам» [1, с. 470]. «Ленин всегда подмечал лучшее в человеке. У Ленина было «умение не только *не подавлять у человека чувство его собственного достоинства*, а наоборот *пробуждать и укреплять его*» [1, с. 475-476]. Углубляя познание личности В.И. Ленина, его взглядов, стиля его поведения М.С. Шагинян делает обобщение, имеющее подлинно гуманистическое значение на все времена. «Абсолютно принципиальный в партийной борьбе, вскрывающий партийные ошибки до самого их дна, никогда не останавливающийся перед тем, что мы называем «говорить правду в глаза», В.И. Ленин никогда не делал отдельно человека средством (что исключает всякую возможность педагогического воздействия на него), а всегда относился к человеку как к цели (с учетом его изменения, воспитания, роста). Вот почему унижение человека, такое глубокое унижение, при котором униженный сам перестает уважать в себе человеческое достоинство, есть самый отрицательный способ воспитания человека. Такое унижение (русский язык знает еще более сильно слово для него – «уничтожение»), такое уничтожение ломает кадры, коверкает им нервную систему или воспитывает холуев, лицемеров, приспособленцев и подхалимов» [1, с. 478].

Многие черты личности Ленина сформировались под влиянием высокой культуры общения в семье. «Конечно, чтобы быть таким психологом, как Ильич, надо родиться Ильичем, с его громадной опорой на материалистическое сознание, с его превосходным воспитанием у таких родителей, как один из лучших русских педагогов, Илья Николаевич Ульянов, и одна из тактичнейших женщин, с ее огромной силой воли и умением создать бытовой и творческий режим в доме, Мария Александровна Ульянова» [1, с. 471].

Семья Ульяновых была открытой, тесно связанной многими нитями с жизнью того общества, чутко воспринимала то, что в нем происходило, откликалась на все перемены. В семье горевали по поводу смерти Добролюбова и ареста Чернышевского, с восторгом воспринимали буквально каждое слово Лобачевского, Ушинского и других просветителей. В просвещении, в образовании народа видели смысл деятельности и жизни. На обширном фактическом материале М.С. Шагинян описывает, осмысливает ту многогранную

просветительскую деятельность, которую вел Илья Николаевич Ульянов, и в которую была вовлечена вся семья. «Но вся Россия охвачена была в те годы горячкой обучить народ, этим полны были журналы, этого добивалась сама жизнь, и если любой человек молод, то пожалуй, и дело любое молодо в своем начале. Новые инспектора, большая часть их, смотрят на свою обязанность скорей как на строительство и созидание, нежели как на присмотр и контроль. Что контролировать, над чем присматривать? Разливанное море темноты, нищеты, невежества было вокруг, невежество, которое силком требовалось тянуть к свету» [3, с. 161]. На многих страницах М.С. Шагинян с пунктуальностью ученого, исследователя, рассказывает о том, как преодолевались бесчисленные множества препятствия на пути к знаниям, к свету. Как пробивали себе дорогу новые педагогические идеи, передовые организационные технологии, наиболее эффективные методы. С глубоким проникновением в сущность педагогического труда, на примере И.Н. Ульянова, М.С. Шагинян проясняет смысл и секреты влияния учителя на рост, развитие, формирование личности человека. По аналогии с трудом земледельца, она пишет: «В труде педагога есть такой же секрет. Душа ребенка, его мозг и способности отвечают учителю. Невообразимо трудным покажется жребий учителя тому, кто думает, что он один, единственно трудом своим, должен вложить в темные, спящие, невежественные, чужие мозги сложное знание. И кто, думая так, остановится перед своей задачей в душевном бессилии, чувствуя тяжесть ее только на одних своих плечах, тот никогда настоящим педагогом не станет.

Но душа человеческая отвечает учителю. Она растет в своем ответе навстречу ему всей широтой заложенных в нем начал, как земля, встающая зелеными побегам колосков перед пахарем. И труд педагога становится половиной труда, он возвращается ему сторицей, а кто это испытал хоть раз, тот не сможет всю жизнь уйти от своей работы, как не уходит пахарь от земли» [3, с. 435-436]. Педагогическая мудрость И.Н. Ульянова установила такой семейный уклад, который закладывал высоконравственные основы формирования личности Владимира Ильича. Естественно это не исключало влияния и других обстоятельств. Об этом со всей определенностью пишет М.С. Шагинян: «Разумеется, решающим в этом

процессе было влияние самой эпохи, когда передовое российское общество еще жило традициями шестидесятых годов и было охвачено революционными настроениями семидесятых. Огромно было и влияние семьи, общение со старшим братом – вся чистая атмосфера настоящего демократизма, высокой нравственной требовательности и большой культуры» [4, с. 439].

В эскизе романа «Билет по истории» писательница продолжает поиск ответа на вопросы: как образовалась индивидуальность В.И. Ленина, какими внутренними бурями и переживаниями из ребенка многодетной семьи вырос гений революции? Она осмысливает, исследует узловые факты в жизни В.И. Ленина, где скрытые процессы формирования личности вышли бы наружу в тех или иных поступках. Она не проходит мимо и такого мелкого случая, связанного с умолчанием о разбитом графине в гостях и последующем переживании. Огромным горем стала смерть отца, казнь брата. И экзамен по истории в гимназии, и Казанская сходка в Университете. Всё выстраивается в один ряд непрерывного процесса формирования личности вождя.

М.С. Шагинян не отступала от ленинской темы до конца дней своей жизни. Отыскивает новые документы, новые свидетельства, изучает переписку, посещает места, связанные с пребыванием В.И. Ленина в Швейцарии. А главное – читает и перечитывает работы В.И. Ленина, из которых извлекает глубокие смыслы и поучительные уроки.

В «Четырех уроках у Ленина» она представляет читателю самое важное, самое главное, самое поучительное из огромного теоретического наследия и революционной практики В.И. Ленина.

Первый урок, сделанный на основе анализа агитационно-пропагандистской практики, состоял в стиле общения В.И. Ленина, в полном отсутствии тщеславия и «остро реальном» ощущении бытия другого человека, «настолько же реальному, как ощущение собственного бытия» [1, с. 471].

Далее М.С. Шагинян подчеркивает умение Ленина *«не только не подавлять у человека чувство его собственного достоинства, а, наоборот, пробуждать и укреплять его»* [1, с. 476]. Чувство собственного достоинства – драгоценное качество человека. Оно несовместимо ни с холуйством, ни с заискиванием, ни с трусостью, ни с

наглой самоуверенностью. «Неизмеримая пропасть отделяет это спокойное и твердое сознание себя человеком от самолюбивого тщеславия, самонадеянности, самоуверенности, наглости, ячества» [1, с. 477]. И М.С. Шагинян берет урок у В.И. Ленина для себя и для других: «Если всем видам тщеславия надо давать отпор, стараясь искоренить их в членах партии, то людей со спокойным чувством собственного достоинства, людей с независимым и безбоязненным суждением беречь в рядах партии как зеницу ока» [1, с. 477]. Такой урок сохраняет актуальность и в наши дни, может быть полезным как для маленьких, так и для больших «вождей» всех времен и народов.

Второй урок у В.И. Ленина М.С. Шагинян получила из путешествий по местам, связанным с его именем в Швейцарии. Богатое художественное воображение помогло ей воссоздать не только дух того времени, накал политических страстей, но и прежде всего его стиль поведения, характер отношений между политическими и идеологическими противниками. «С великой человечностью различает Ленин за фальшью политической позиции живого человека» [1, с. 515]. Этот урок она адресует той негодной практике, «когда ошибочная и фальшивая позиция целиком покрывала всего Петра или Сидора, словно перестали они быть живыми людьми со всеми их личными качествами. Перестали быть, а вокруг них, как вокруг зачумленных, вдруг образовалась пустота. От них разбегались лучшие друзья-товарищи. И последний урок, полученный нами в Порнике, учит, что поступать так – значило поступать не по-ленински» [1, с. 515]. К великому огорчению этот урок не был усвоен ни в прошлой, ни в нынешней политической практике.

Третий урок стал возможным в итоге глубоких размышлений о роли библиотеки в сложной ленинской жизни. В понимании М.С. Шагинян «библиотека – это не только книга. Это прежде всего колоссальный концентрат спрессованного времени, как бы сопряжение тысячелетней человеческой мысли, перенесенной на пергамент, папирус, бумагу для жизни в *постоянстве*, а не в *текучестве*» [1, с. 521]. Изучив лондонский период жизни В.И. Ленина, его работу в библиотеке британского музея, его теоретические споры с «экономистами», М.С. Шагинян концентрирует внимание на значении теории для общественно-политической деятельности, о

соотношении сознательных и стихийных начал в общественной жизни. Без теории, без серьезного осмысления любая общественно-политическая деятельность может превратиться в узкий, ограниченный, безрезультативный практикум, в шараханье от одной крайности в другую. Подтверждением этому может служить вся, без исключения, общественно-политическая практика.

Четвертый урок у В.И. Ленина М.С. Шагинян выводит из анализа многих фактов, характеризующих ленинское отношение к жизни, его взаимоотношения с художниками и прежде всего с М. Горьким. Не без оснований она пишет о том, что «Ленин ненавидел аскетизм, он страстно любил жизнь. Он прошел через благодатную любовь. Он людей любил горячо, глубоко, влюблено» [1, с. 605]. Описывая непростые отношения между В.И. Лениным и М. Горьким, писательница выделяет особенности политического и художественного мышления, раскрывая внутренние механизмы их притяжения друг к другу, напоминает о ленинском требовании уважать культуру прошлого, осваивать все лучшее в ней и беречь ее!

Завершая размышления об уроках у В.И. Ленина М.С. Шагинян обобщает: «Ленин умел ненавидеть в борьбе, как это свойственно человеку. И Ленин умел любить, как это свойственно сердцу человеческого. А если б этого не было, если б был он аскетом, – человечество не могло так горячо любить: его самого» [1, с. 642]. В своем творчестве о В.И. Ленине М.С. Шагинян как бы стремилась защитить его как от бездумного славословия в прошлом, так и от безудержного охаивания в наши дни.

Всякому, кто решит говорить или писать о В.И. Ленине, стоило бы ознакомиться с Ленинианой М.С. Шагинян.

Литература

1. *Шагинян М.С.* Четыре урока у Ленина. Лениниана. М.: изд-во «Молодая гвардия», 1980.
2. *Шагинян М.С.* Как я работала над «Семьей Ульяновых». Лениниана. М., 1980.
3. *Шагинян М.С.* Первая Всероссийская Роман-хроника. Лениниана. М., 1980.

4. *Шагинян М.С.* Билет по истории. Эскиз романа. Лениниана. М., 1980.

ДНЕВНИКИ МАРИЭТТЫ СЕРГЕЕВНЫ ШАГИНЯН КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ТВОРЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ ПИСАТЕЛЯ

С.А. Глушкова, магистрант Института
социологии и регионоведения ЮФУ

Мариэтта Сергеевна Шагинян известна миру в нескольких ипостасях: в качестве писателя и публициста, литературного критика и знатока музыки, в качестве автора первого советского детективного романа «Месс Менд». Литературный путь писателя продолжался свыше 70 лет, ее творчество глубоко и многогранно, совершенно и монументально, и каждое из этих качеств находит свое отражение в таких работах как «Советское Закавказье», «Гидроцентральный», «Новый быт и искусство», «По дорогам пятилетки», «Урал в обороне», «Зарубежные письма», «Путешествие по Армении». Перу М.С. Шагинян также принадлежат научные монографии о Тарасе Шевченко, Низами Гянджеви, Йозефе Мысливечке и Гёте. В послужном списке Мариэтты Сергеевны Шагинян также звание одного из выдающихся советских журналистов, на протяжении многих лет печатавшегося в «Известиях», «Литературной газете», «Правде» и «Приазовском крае» [1].

Произведения М.С. Шагинян отличаются феноменальной точностью, конкретностью и незаурядностью, автор всегда тщательно подходила к написанию любой статьи. Будучи энергичной женщиной, жаждущей узнавать всё «из первых уст», М.С. Шагинян объездила всю Россию и не раз была за рубежом [2]. К сожалению, в настоящее время в силу ряда идеологических и политических причин Мариэтта Сергеевна Шагинян оказалась незаслуженно забытой, что и обусловило актуальность данной работы, в рамках которой автор предпринимает попытку дать краткий обзор и анализ основного рабочего инструмента писателя – дневников.

Дневники М.С. Шагинян уже становились предметом внимания исследователей, но, прежде всего, как источник сведений о биографии писателя [3, с. 575; 4, с. 462-463]. Исследование некоторых

аспектов творческой лаборатории писателя предпринимались, но предметом специального научного изучения дневники не становились, что и обусловило цель данной статьи.

Дневники являются значимой и неотъемлемой частью литературной жизни М.С. Шагинян. Упоминая в них разного рода материалы, источники, писатель ведет свои дневники весьма обстоятельно, последовательно и конкретизировано. Наряду с функцией считывания событий прошлых лет, дневники представляют собой непосредственное знакомство с автором, с его эмоциями и мыслями, настроением и впечатлениями, с манерой письма и стилем работы.

По словам самой М.С. Шагинян, «дневники – ее кладовая узанного и найденного, но еще не облеченного в плот искусства. Она ничего не хранила в памяти. Она всё складывала в дневник, и память ее всегда рвалась навстречу свежим впечатлениям, голодная, как в молодости» [5]. Фиксация всего происходящего вокруг и реакции на эти события происходила в несколько этапов, первым из которых были встречи, разговоры, сбор данных и запись в черновых блокнотах. Далее М.С. Шагинян занималась расшифровкой своих записей и пометок, параллельно дополняя их, после чего заносила в дневник. На финальном этапе дневниковые записи ложились в основу готовых публицистических произведений. Вести дневники М.С. Шагинян начала еще с юношеских лет, с 1915 г. дневниковые записи приобретают систематический характер, сопровождая писателя во всех поездках. Информация разного рода и качества выделялась автором цветными карандашами, тем самым помогая ориентироваться в своих записях. Из вышесказанного можно оценить большую роль и значимость дневников в жизни и на литературном поприще М.С. Шагинян [6].

Дневники М.С. Шагинян привлекают своей своеобразной манерой, которая позволяет понять, каким образом рождается творческая мысль, как приобретает форму и наполнение, историю и суть, и как в дальнейшем превращается в художественное произведение. Данный процесс представляет собой путь, долгий и кропотливый, по завершении которого из-под пера автора выходит отточенное произведение, словно драгоценный камень из-под резца художника-ювелира.

В дневниках М.С. Шагинян помимо значимых для литературного анализа материалов также отражена биография самой писательницы, что в немалой степени делает их более ценными. В качестве своеобразной географической карты в дневниках прослеживаются маршруты, поездки, посещения тех или иных мест с указанием точной даты. Кропотливость и некая фанатичность предпринятых записей есть показатель неиссякаемой энергии и жажды познать. Как пишет сама М.С. Шагинян: «Кладу перед Бабажданяном лист белой бумаги, прошу расписаться: имя, отчество, фамилия, год рождения, место рождения. Это у меня привычка – собирать автографы для дневника у всех, с кем беседую» [7]. Таким образом, в дневниках писательницы можно найти сотни имен и фамилий попутчиков, знакомых и просто собеседников, которых встречала М.С. Шагинян на своем жизненном пути. Позже некоторые из этих личностей эволюционировали в героев и персонажей ее произведений.

Дневники времен Великой Отечественной Войны – впечатления от встреч и бесед с трудящимися Урала и Сибири. Впоследствии эти записи стали материалом для нескольких очерков, которые представляют собой собственно авторское переживание того, что М.С. Шагинян увидела и услышала. В частности, очерк из цикла «Оборона Москвы», где проиллюстрированы героические качества людей, спасших от пожара усадьбу Л.Н. Толстого. В дневниках имеются записанные беседы с сотрудниками музея, сведения о них, об усадьбе Л.Н. Толстого. Впоследствии эти записи приобретают форму рассказа-исследования о доме, после чего рождается очерк, где повествуется история о «простых незаметных советских служащих», борющихся с зажигательными бомбами, которые были выпущены немецкими бомбардировщиками [8]. История сопровождается перечислением фамилий и инициалов реально существующих и работающих в музее людей, что придает информационный объем и полноту очерку. С течением времени дневниковые записи становятся для писателя не только материалом и основой будущих работ, но и источником полученной из первых уст достоверной информации, которую по праву можно считать документальной. В связи с этим дневники М.С. Шагинян приобретают не только литературную, но и историческую, культурную ценность.

Особую важность для Мариэтты Сергеевны Шагинян представляла также колоритная составляющая всего окружающего, что воплощается в метафорах и олицетворениях, пронизывающих дневники. Записывая свои впечатления о прогулке в лесу под Ереваном, автор пишет: «Я начала собирать пожелтелые листья в свой гербарий. Очень красивые (каштановый дуб) собралась целой веточкой снять с дерева, они всё равно упали бы...» [9]. Мельчайшие детали и оттенки находят свое воплощение в записях, писатель с жадностью и удовольствием описывает природу, атмосферу, климат, архитектуру окружающей ее обстановки. Ни одна запись не появляется в дневниках просто для фиксации, каждая строка и предложение лично переживаются и эмоционально окрашиваются самой М.С. Шагинян, принимая форму не сухого изложения событий, а образа, прошедшего через сердце писателя.

В начале творческого пути дневники представляли собой некую базу данных, сбор информации, которая впоследствии служила материалом к размышлению и созданию нового литературного произведения. С течением времени, когда дневники приняли обязательный характер и широкий размах, они стали представлять собой своеобразную географическую карту, повествующую о маршрутах и поездках писателя, что является одной из составляющих ее творческой биографии. Сведения, полученные М.С. Шагинян из первых уст свидетелей, очевидцев и участников определенных событий, воплощенные в записях, приобретают по прошествии времени историческую ценность и носят документальный характер.

Особенно значительную роль дневники М.С. Шагинян сыграли при подготовке своей автобиографической книги «Человек и Время. История человеческого становления» (М., 1982). Она подчеркивала значение процесса создания дневников как хорошей школы подготовки к литературному труду [10, с. 428, 430]. Описывая события, процессы, людей, отстоящие от времени создания книги на 50-60 лет, писатель естественно опиралась на свои дневниковые записи, при этом она отмечала, что не только детали происшедшего, но некоторые события, встречи, беседы выветрились у нее из памяти и дневники помогли ей воссоздать их. В этой книге она нередко воспроизводила большие фрагменты своих дневниковых за-

писей для того, чтобы передать атмосферу эпохи, дух времени и собственное восприятие этих событий [10, с. 470].

Следует сказать, что дневниковые записи Мариэтты Сергеевны Шагинян трансформировались из просто фиксированных сведений в нечто более значимое для всего литературного мира и культурного наследия. М.С. Шагинян никогда не считала основной своей задачей наблюдать жизнь, она всегда стремилась ее исследовать. Жанр «дневников», который впоследствии ложился в основу очерков, ценился автором за «передовую, разведочную роль», он связан с изучением новой действительности. Сам жанр исключает для художника возможность отстранения от происходящего. Автор вырабатывает собственный метод работы и творческого поиска, индивидуально осмыслив его и отточив, что послужило гарантом создания работ, которые живут вне времени и актуальны по сегодня.

С каждой новой дневниковой записью, с очередным очерком, который рождается путем переживания писателем жизненных ситуаций и перипетий судьбы, крепнет тот авторский фундамент, служащий гарантией новой, отличной от остальных литературной формы. Беспрерывный процесс накопления опыта сказывается на бессмертии и уникальности произведений, вышедших из-под рук мастера своего дела - Мариэтты Сергеевны Шагинян.

Литература

1. *Скорино Л.* Маргарита Шагинян – художник. М., 1981.
2. *Тертычный А.А.* Жанры периодической печати. М., 2000.
3. Краткая литературная энциклопедия. Т. 8. М., 1975.
4. *Казак В.* Лексикон русской литературы XX в. М., 1996.
5. *Шагинян М.С.* Дневник писателя. М., 1953.
6. *Шагинян М.С.* Автобиография. М., 1954.
7. *Шагинян М.С.* Зарубежные письма. М., 1964.
8. *Шагинян М.С.* Оборона Москвы // М.С. Шагинян Собр. соч. в 9 т. Т. 4. М. 1975.
9. *Шагинян М.С.* Путешествие по Советской Армении // М.С. Шагинян Собр. соч. в 6 т. Т. 4. М., 1957.
10. *Шагинян М.С.* Человек и Время. История человеческого становления. М., 1982. С. 428, 430.
11. *Гольдина Р.* Ленинская тема в творчестве М. Шагинян. Ереван, 1969.

О ДВУХ ЯРКИХ НАХИЧЕВАНСКИХ ЖЕНЩИНАХ – МАРИЭТТЕ ШАГИНЯН И НИНЕ БЕРБЕРОВОЙ

М.Г. Багдыков, к.мед.н., заслуженный врач РФ, краевед

Постепенно ушло из жизни поколение людей, на долю которых выпало активно общаться, вбирать всё самое лучшее у тех, кто был рожден в начале XX века. Им пришлось быть свидетелями, соучастниками многих ярких событий первой половины XX века. Горстка людей, переселившихся на донскую землю, при разумном отношении к льготам указа Екатерины II, смогли своим трудолюбием, талантом не только выжить на необжитых донских просторах, но и выстроить один из лучших городов Юга России, – Нор-Нахичевань, взрастить свою интеллигенцию, свой класс созидателей. В конце XIX и начале XX века отцами города Нор-Нахичевань были созданы реальные условия для бурного развития населения: просвещение, строительство, атмосфера созидания, искусство. Образовался целый пласт грамотных, образованных, одаренных личностей, получивших высшее образование, приобщившихся к лучшим образцам мировой культуры, вокруг которых стала формироваться местная интеллигенция. Многие горожане выросли в значимые фигуры в литературе, живописи, поэзии, музыке, восходящие в своем творчестве далеко за пределы своего провинциального города и стали заметными не только в России, но и далеко за ее пределами.

Революционные события в России в начале XX века не сломили творческую, мыслящую интеллигенцию, она нашла свое место в разорванном этими событиями времени. Со временем возникли имена первой величины, которые были оценены не только в нашей стране, такие, как Мариэтта Сергеевна Шагинян, Мартирос Сергеевич Сарьян, Нина Николаевна Берберова, Григорий Иванович Шилтян, Эммануил Мартынович Кастанаян и многие другие.

Хотелось бы в качестве примера остановиться вкратце на судьбах двух ярких, одаренных женщин, живших и получивших начальное образование и воспитание на Донской земле в начале XX века – это Мариэтта Сергеевна Шагинян и Нина Николаевна Берберова. Обе – выходцы из обеспеченных семей города Нор-

Нахичевани, дочери интеллигентных, высокообразованных родителей. Обе учились в прекрасных гимназиях. По темпераменту – типичные южанки армянского происхождения. Нина считала себя более русской, а Мариэтта доказывала, что она московская армянка.

Несомненно, сама атмосфера российской жизни в начале XX в.: социальные преобразования, огромные достижения в процессе освобождения женщин из-под гнета домашнего закрепощения, взгляды образованного общества на эту проблему дали удивительно положительные результаты.

Мариэтта Сергеевна Шагинян и Нина Николаевна Берберова, как и многие их сверстницы, увлекались сочинением стихов, поветрием, захватившем российскую интеллигенцию в начале XX века. Жизненные невзгоды обеих заставили их заниматься журналистикой как возможностью заработка. Обе писательницы всю свою жизнь оставались верны своим принципам, сформировавшихся в среде демократической интеллигенции и не меняли своих убеждений.

* * *

Мариэтта Сергеевна Шагинян родилась в Москве, в семье доктора медицинских наук Сергея (Саркиса) Давыдовича Шагинянца, из армянской колонии в Григориополе-на-Днестре и матери, Петронэ Яковлевны Хлытчиевой, из армянской колонии в Нор-Нахичевани-на-Дону. Мариэтта Сергеевна, будучи от природы одаренным ребенком, оказалась в окружении ярких неординарных личностей, общение с которыми, несомненно, отложили отпечаток на ее формирование и мировоззрение.

Мать Мариэтты Сергеевны была дочерью успешного купца первой гильдии, городского головы, общественного деятеля Якова Матвеевича Хлытчиева. Дедушка Мариэтты со стороны отца был григориопольским протоиереем – отцом Давыдом Шагинянцем, служившим в молодости секретарем у епископа Габриэла Айвазовского. Мариэтта Сергеевна, описывая своего деда, особо отмечала его высокий лоб и глаза удивительно хорошие. Поэтому и общение с ним было для нее особенно приятным и полезным.

Приезжая в Нор-Нахичевань-на-Дону к дедушке, Якову Матвеевичу Хлытчиеву, общалась с огромным количеством тетушек, его дочерьми, которые были замужем за местными богачами, имена которых были на слуху у местных жителей: Джамгаров, Хатранов, Чикнарев, Сагиров, Когбетлиев, Шилтов. В доме у Якова Матвеевича Хлытчиева часто бывали Микаэл Налбандян, Иван Берберов, Мелкой Султаншах.

После смерти отца, мать перевезла Мариэтту и ее сестру Лину в Нор-Нахичевань, и они проживали в доме у дедушки Якова, обучались в Екатерининской женской гимназии. В годы Октябрьского переворота в стране они так же проживали в Нахичевани. В 1919 году Мариэтта публикует свои фельетоны в газете «Приазовский край». Высокую оценку ее хлестким фельетонам дал дедушка Яков Хльучиев, отметив ее мужскую хватку. В том же 1919 году она стала принимать активное участие в организованной Михаилом Фабановичем Гнесиным «Театральной мастерской» вместе с художником Мартиросом Сергеевичем Сарьяном. Актерами впервые была сыграна пьеса Николая Степановича Гумилева «Гондла», на репетиции которой присутствовал автор. Оценку спектакля дала в печати Мариэтта Сергеевна Шагинян. В доме Искидарова ее сестра Лина организовала мастерскую живописи Врубеля, где работала целая плеяда великолепных живописцев: М.С. Сарьян, С.М. Агаджанян, А.Г.Черчепов, А.К. Ованесов. Обучались живописи в будущем великие художники, такие, как Григорий Иванович Шилтян, Марк Владимирович Тер-Григорян и многие другие.

Мариэтта Сергеевна Шагинян в советский период, особенно в 30-70 гг., была признанной писательницей в нашей стране. Особое внимание к личности молодой, одаренной писательницы привлекла переписка Мариэтты Сергеевны с композитором Сергеем Васильевичем Рахманиновым, опубликованная ею после смерти гениального пианиста и композитора. Этих замечательных людей связывала дружба, признание таланта друг друга, служение литературе и музыке, большая всеобъемлющая любовь к Родине. Переписка с Мариэттой Сергеевной и, наконец, встреча в Нахичевани и их дружба – всё это впечатляет и связывает с судьбой не только Нахичевани, куда приходили письма Сергея Рахманинова в адрес Мариэтты

Сергеевны Шагинян, но и ее, как личности, удостоенной такого внимания.

М.С. Шагинян была признанной писательницей в СССР, многогранной личностью. Однако хотелось более подробно остановиться на том отрезке времени, который ее связывал с Нахичеванью, а, главное, – ее переписке с Сергеем Рахманиновым и об их встречах в городе ее детства и молодости.

Мариэтта Сергеевна была большой поклонницей таланта исполнителя и композитора Сергея Рахманинова. Она впервые слушала его концерт в Благородном собрании города Москвы. В этот вечер Мариэтту Сергеевну до глубины души потрясло услышанное и увиденное дирижирование С.В. Рахманиновым Четвертой симфонии П.И. Чайковского, и появилось желание описать прочувствованное в письме к великому композитору. Так, 12 февраля 1912 года, на масленицу, началась переписка Мариэтты Сергеевны с Сергеем Васильевичем Рахманиновым, которая переросла в «роман в письмах». Свое первое письмо она подписала нотой «Ре». В этот день С.В. Рахманинова в Москве не было, он уехал в Петербург, чтобы дирижировать в Мариинском театре. Ответное письмо, написанное им 14 февраля, пришло 15-го. С.В. Рахманинов обратился к М.С. Шагинян как к «Ре», и потом до последних их встреч в июле 1917 года так обращался к Мариэтте Сергеевне. В 1912 году в жизни С.В. Рахманинова произошло загадочное событие. Он обратил внимание на письмо от незнакомки, таинственно подписанное нотой «Ре». Будучи тонким человеком, С.В. Рахманинов уловил нотки волнения в тексте письма и поинтересовался ее здоровьем. Видимо С.В. Рахманинов узнал от их общего знакомого М.А. Слонова, что это почерк М.С. Шагинян, так как Михаил Акимович Слонов был школьным другом С.В. Рахманинова и школьным учителем М.С. Шагинян. Именно признание С.В. Рахманиновым значимости первого письма сыграло большую роль в их дальнейшей переписке, перешедшей в настоящую дружбу талантливых людей.

В декабре 1912 года, перед восьмым письмом, Мариэтта Сергеевна присутствовала на концерте С.В. Рахманинова в гостиной перед эстрадой в зале Благородного собрания, и это общение носило знаковый характер: любовь к музыке, литературе определило смысл их взаимного притяжения.

Московский период жизни М.С. Шагинян охватывал целых шесть лет с 1912 по 1917 годы, однако Мариэтта Сергеевна провела это время не только в Москве: ездила на побывку к матери в Нор-Нахичевань, а в последние два года перед Октябрем и после Октября, при белых, преподавала в Ростове-на-Дону в училище у Пресмана, и в консерватории читала эстетику и историю искусства; проводила с сестрой два лета в Геленджике, одно лето в Тироле, куда ездила с сестрой в 1913 году. Почти на целый год (1914-1915 гг.) уезжала из Москвы в Гейдельберг для подготовки своей магистерской диссертации к знаменитому теологу немецкому профессору Трельчу. И, наконец, по возвращению из-за границы, опять приехала к матери в Нахичевань-на-Дону, где 25 июня 1917 года было знакомство, совместная работа и брак с Яковом Самсоновичем Хачатрянцем и первая поездка в Армению. В Нахичевани сестры продолжили каждая свое: Лина учительствовала, а Мариэтта читала лекции в Музыкальном училище у Пресмана по эстетике и истории искусства. Здесь она подружилась с семьей Гнесиных, известным композитором Михаилом Фабиановичем и его женой Надеждой Табиевной. Однажды Михаил Фабианович предложил Мариэтте Сергеевне проиграть на рояле свои опусы и наброски к «Царю Эдипу», которые произвели на нее впечатление тонкой «интеллектуальной» музыки.

Октябрь с опозданием пришел на Дон. Захваченная энтузиазмом строительства новой жизни, Мариэтта работала больше года инструктором Донпрофобра. Сестра ее в это же время организовала районную художественную школу в доме Искидарова (ныне Музей русско-армянской дружбы), куда пригласила преподавателями всех известных на Дону художников – Мартироса Сарьяна, Евгения Лансере, Степана Агаджаняна, Марка Тер-Григоряна и др.

Во втором письме Сергей Васильевич Рахманинов обратился к Мариэтте Сергеевне с просьбой найти тексты различных поэтов для того, чтобы он мог написать к ним музыку. Он сформулировал и свои пожелания: лишь бы вещь была оригинальная и не переведенная, и размером не более 8-12, максимум 16 строк. И настроение лучше печальное, чем веселое.

В третьем письме Сергей Васильевич благодарил М.С. Шагинян за присланную подборку стихов для его романсов и здесь же всту-

пает в полемику с Мариэттой Сергеевной, давая объяснение, почему он иногда не использует в своих работах стихи, которые она не рекомендует.

Переписка длится долго, помогая друг друга познавать себя, формировать взгляды и привязанности, давая оценки и личным ощущениям. Так, из Тамбова, в своем письме Сергей Васильевич пишет, что кроме своих детей, музыки и цветов, он любит еще письма, которые получает от Мариэтты.

Последнее письмо (пятнадцатое) Сергеем Рахманиновым было написано 26 января 1917 года.

* * *

А вот еще яркая судьба другой «нахичеванки». Нина Берберова по национальности армянка родилась в семье переехавшего на донскую землю из Крыма ее прадеда, разбогатевшего торговлей. Дедушка ее, Иван Минасович Берберов, в Париже закончил медицинский институт и в Нор-Нахичевани стал известным доктором, был высоко образованным человеком своего времени. Он был первым человеком, который привил ей интерес к европейской жизни. От парижской молодости к тому времени у ее деда осталась только трость и настальгические воспоминания, набалдашник из слоновой кости и в нем была дырочка. Нина смотрела в эту дырочку и видела там Париж, вид Монмартровского холма, но без Эйфелевой башни. Это была трость, купленная у Шарвиля, в 1861 году.

Семья Берберовых жила в Нор-Нахичевани на углу Сафиевской улицы (ныне Первомайской) и 18 линии, в доме № 5. Иван Минасович Берберов, дед Нины Николаевны Берберовой, женившись, имел семь сыновей и одну дочь. Все сыновья по очереди были посланы в Москву, учились в Лазаревском институте восточных языков. После окончания Лазаревского института поступали в Московский университет, по окончании которого получали профессии: врача, адвоката, математика, журналиста, банкира. Из семи сыновей Ивана Минасовича Берберова, отец Нины Берберовой Николай Иванович был третьим из них, окончил физико-математический факультет Московского Университета, стал чиновником в Министерстве финансов Петербурга, был в чине статского советника.

Мать Нины Николаевны Берберовой, урожденная Караулова, было из семьи русских дворян-помещиков. По воспоминаниям Нины Николаевны отец ее был высок, худощав и очень умен. Дочь любила его глаза, любила его сильные руки, его запах, где смешивались сигара с крепким брокаровским одеколоном, и замечала его растерянность перед ее ранней самостоятельностью.

В гимназии Нина открыла для себя и увлеклась произведениями Уайльда, Метерлинка, Гамсуна, Ибсена, Бодлера, Ницше, Анненского. Любила читать и переписывать произведения Бранта, Ибсена и стихи А. Ахматовой. В 1919-1920-х годах Нина часто ходила в городскую нахичеванскую библиотеку, где могла погрузиться в роман А. Белого «Петербург». В этот период ей пришлось начать самостоятельно зарабатывать деньги и оставить временно учебу. Об этом периоде своей жизни она расскажет в своей книге «Курсив мой» о том, что ей пришлось пережить и воочию наблюдать за происходящим вокруг нее в годы после Октябрьского переворота. Настало время, когда всем стало необходимо трудиться. Нина оставила университет и тоже пошла служить в управление Владикавказской железной дороги.

Она вспоминала, как ей пришлось увидеть художника М. Сарьяна, который нес домой большую рыбу с базара, схватив ее за жабры для того, чтобы писать с нее натюрморт, обложив ее луком и морковью; как Мариэтта Шагинян в самодельных шлепанцах и какой-то «куцавейке», выдавшей лучшие времена, задумчиво проходила под берберовскими окнами с рынка, прижав к груди огромную кость, имевшую такой вид, будто ее уже кто-то обглодал.

Какие интересные времена были?! В зале, где еще недавно проходили баптистские моления, теперь иногда собирались поэты и художники: один «ничевок», два футуриста, один имажинист и три эгоцентриста. Модные девушки, голодные и грустные, читали стихи. Комнату неподалеку снимал композитор, перед самым падением Ростова ушедший с добровольческой армией, его звали Сергей Прокофьев. Вскоре пропал хлеб, сало, свечи, пропала и контрреволюция.

Затем семья Берберовых переезжает в Петербург. В начале 1921 года состоялась встреча юной поэтессы с известными поэтами и писателями «Серебряного века» Георгием Ивановым и Николаем

Гумилевым, Владиславом Ходасевичем, Корнеем Ивановичем Чуковским и Анной Ахматовой. Здесь же она встретила и свою судьбу, вышла замуж за Владислава Ходасевича.

В мае 1922 года Нина Николаевна Берберова и В. Ходасевич переезжают в Ригу, а затем в Германию, далее в Прагу, а затем в Венецию, Рим. Как пишет Нина Берберова, они с В. Ходасевичем прожили под одной крышей с А.М. Горьким более трех лет в Берлине, затем в Италии. Работала Нина Берберова в редакции альманаха «Мосты» с 1958 по 1968 годов как критик, публиковала стихи, прозу. Жизнь в эмиграции была сложной, в том числе, в материальном отношении, но она не сломила молодую чету.

В конце двадцатых годов в Париже Н. Берберова и В. Ходасевич часто встречались с видными деятелями русской культуры, находящимися в эмиграции: З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковским, И.А. Буниным. Она одна из первых оценила масштаб таланта В. Набокова, сказав, что появление его оправдывает существование всей литературной эмиграции.

В 1939 году умирает В. Ходасевич после проведенной ему операции на поджелудочной железе. Нина Николаевна продолжала общаться с видными личностями русской эмиграции: И.А. Буниным, Б.К. Зайцевым, Ю.П. Анненковым, А.Ф. Керенским и его женой, они поддерживали ее, сочувствовали ее горю и утрате.

В 1948 году, благодаря помощи Н.А. Бердяева, вышла книга повестей Нины Николаевны. В эти годы ей трижды удалось съездить в Швейцарию, Бельгию, посетить друзей в Правансе. Она смогла приобрести маленькую собственную комнату в Париже, и всё же в 1950 году Нина Николаевна переезжает в Америку, где преподавала в университетах. Судьба ее вновь столкнула с А.Ф. Керенским. Его она охарактеризовала следующим образом: он всегда казался ей человеком малой воли, но огромного хотения, слабой способности убеждать и безумного упрямства, большой самоуверенности и небольшого интеллекта.

Современники высоко ценили творчество Нины Николаевны. Только в период оттепели Нина Николаевна Берберова стала известна в СССР, а в августе 1989 году она посетила некогда покинутую ею нашу страну. С раннего утра до полуночи ее без отдыха изнуряли встречи с поклонниками, прессой, студентами, профессу-

рой. Она оставалась неизменно свежей телом и разумом. Опрятной в своей белоснежной блузке. Стиль ее ответов был информативен, грациозен и краток. На сцене МАИ она три часа без передышки читала прозу, стихи, свои и В. Ходасевича, завораживая зал чудесной русской речью, кристальной, отмытой от новоязов и вульгаризмов. На четвертый год пребывания в Америке Нина Николаевна в третий раз вышла замуж за американского гражданина и получила гражданство. Все эти годы она прожила в городе Пристане, а перед смертью переехала в Филадельфию, где и была похоронена в 1993 году.

Наиболее популярные ее книги, известные в нашей стране, это «Курсив мой», автобиография, вышедшая в свет в 1972 году, «Железная женщина» (1981) – биография Закревской-Бенкендорф-Бутберг, «Люди и ложи» (1986) – о русском зарубежном масонстве XX века, «Чайковской (1936), «Бородин» (1938).

В произведениях Мариэтты Шагинян и Нины Берберовой, абсолютно разных творческих индивидуальностей, описана история великой эпохи, в которой им пришлось жить, ее оценка с разных позиций на происходящее в прожитое ими время. Писательницы внесли значительный вклад в отечественную литературу XX века.

Литература

1. *Шагинян Мариэтта* Человек и Время. М., 1982.
2. *Шагинян Мариэтта* Гидроцентральный. Очерки. Л., 1979.
3. *Берберова Н.* Курсив мой. Мюнхен, 1972.
4. *Берберова Н.* Курсив мой. Мюнхен, 1983.
5. *Берберова Н.* Стихи. Нью-Йорк, 1984.
6. *Берберова Н.* Железная женщина. Нью-Йорк, 1981.
7. *Берберова Н.* Люди и ложи. Нью-Йорк, 1984.

ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ В ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М.С.ШАГИНЯН И М.А.ШОЛОХОВА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Тикиджьян Р.Г., доцент ДГТУ,
Шишова Н.В., доцент ДГТУ

М.С. Шагинян и М.А. Шолохов бесспорно являются большими художниками слова, признанными мэтрами советской и мировой литературы XX столетия. Хотя они зачастую работали в разных жанрах, но даже предварительный сравнительный анализ их произведений за период 1920-1960-х гг. дает возможность специалистам филологам и литературоведам выделить много сходных черт, присущих мастерам социалистического реализма и эпической прозы. Следует вспомнить, что очередной высокий всплеск интереса к произведениям обоих авторов возник в период перестройки, демократизации и гласности, когда начали пересматриваться идеологические позиции (классовый подход, соцреализм и др). Весьма критично многие публицисты и литераторы стали оценивать как знаменитую «Лениниану» М.С. Шагинян, так и романы «Тихий Дон» и «Поднятую целину» М.А. Шолохова, их наличие и подачу в общеобразовательном школьном и вузовском курсе отечественной литературы. Неолиберальные взгляды отразились на весьма не критичном, иногда пасквильном стиле «антишолоховских» и «антишагиняновских» публикаций и измышлений.

В конце 1980-х – начале 1990-х годов на страницах прессы прошли острые дискуссии между публицистами, литераторами и профессиональными историками по оценке значимости и исторической объективности произведений этих советских писателей. Особо острые дискуссии были по вопросам авторства романа «Тихий Дон», роли В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого в репрессиях и оценки политики «расказачивания» на Юге России. Особую роль в защите творчества писателей и его объективных исторических корней сыграли профессиональные историки и литераторы: А.И. Козлов, А.В. Венков, Е.И. Дулимов, Я.А. Перехов, С.А. Кислицын, В.В. Смирнов, Р.Г. Тикиджьян. В итоге в постсоветской историографии возникло целое направление в шолоховедении и истории творчества М.С. Шагинян в конце 1990-2000гг. [1].

На современном этапе, когда страсти улеглись, начался более серьезный научный анализ их творчества, в том числе и сравнительный, текстуальный разбор их произведений. Важно, что данная исследовательская тенденция развивается на уже традиционных многолетних «Шолоховских чтениях» в ст. Вёшенской, и вновь

организованных с 2014 г. «Шагиняновских чтениях» в г. Ростове-на-Дону [2].

Одной из интересных и актуальных проблем исследований остается изучение исторических реалий XX века в произведениях данных авторов, «художественное видение» и препарирование сложнейших процессов современности, свидетелям и участниками которой они сами являлись. Отражение сложных коллизий эпохи революций и войн, строительства новой жизни, нового общества и государства в Советской России и на казачьем, многонациональном Дону.

Анализ ранних произведений М.С. Шагинян и М.А. Шолохова свидетельствует о серьезной проработке авторами исторического материала «вчерашней повседневности», использования собственных дневниковых записей, набросков и зарисовок, материалов опубликованных и не опубликованных очерков и статей, наконец использование текущей прессы, устных свидетельств, «приданий-мифологем» тех лет.

Повесть-быль «Перемена» (1922-1923 гг.) и рассказ «Агитвагон» М.С. Шагинян во многом перекликаются с фактами, оценками и переживаниями «Донских рассказов» и «Лазоревой степью» молодого М.А. Шолохова. Здесь, кроме передачи исторической правды переломной и жестокой новой эпохи, явно присутствует и личностная «включенность» авторов в эти процессы, их собственные чувства и оценки, переживания и эмоции.

Прекрасное знание, географии, природы, социокультурных традиций казачьего региона Дона и Приазовья звучат в унисон в повести «Перемена» и первых книгах «Тихого Дона». В этих произведениях авторы показали удивительное понимание исторической ситуации в ее развитии, сложности политических и военных коллизий, моральных и этических позиций. Это и описание ситуации политического многовластия, военнополитическое противостояние и жестокость оппонентов, сложности национальных и социальных отношений в казачьем крае.

Действительно, повесть-быль «Перемена» и роман «Тихий Дон» - теперь уже исторические, но они же и современны, как никогда ранее. Это свойство всех уникальных произведений, которые написаны не с позиций узкой партийности, а с позиций исторической

перспективы, общенародного идеала. Это в лучшем смысле исторический и гражданский объективизм, за что авторов и критиковали, и обвиняли в классовой и партийной неопределенности. Но реально это был, особый взгляд с высоты понимания авторами исторических процессов, во многом и на уровне интуиции, художественной гениальности, предчувствия.

Конечно «Тихий Дон» – роман, как раньше говорили, областнический, казачий, привязанный к определенному географическому региону – по материалу, по языку, по умонастроению, по многим деталям, по своей художественной образности и исторической конкретности. Чего стоит например, детальное описание жизни и быта казаков и иногородних крестьян, жестокостей гражданской войны, реализации репрессивной, явно ошибочной политики «расказачивания» новой Советской власти, хода Вёшенского восстания казаков, их последствий. Однако одновременно он по-«толстовски» эпохальный, вскрывающий пласты общечеловеческой нравственности и сложной судьбы казачьего народа-сословия, показанной через ситуации метаний главного героя Г. Мелихова.

Сама М.С. Шагинян в своей статье-очерке «Художник большой, настоящий» (1981 г.) о М.А. Шолохове, позднее напишет о необыкновенном сочетании глубокого, жизненного оптимизма и одновременно – трагизма эпохальных перемен в жизни донцов, характеризуя суть романа «Тихий Дон». Близки ей по духу и народные характеры героев романа «Поднятая целина», где М.А. Шолохов описывает коллективизацию, как новую историческую «перемену» для всего крестьянства и казачества.

Ведь по сути, именно М.С. Шагинян, так же был присущ этот эпический, философский взгляд на исторические реалии новой России, которые она с точностью и художественной яркостью показала в повести «Перемена», а затем и в романе «Гидроцентральный», о ходе индустриализации и ее новых героях [3].

Бесспорно можно найти и много различий в подходах отображения исторической действительности и художественных приемах обоих российских-советских писателей, творивших в сложную, переходную историческую эпоху. Всё же важно понимать их неоценимый вклад в российскую и мировую сокровищницу литературы, продолжать исследование их многогранного творчества, в том чис-

ле проблем отражения исторических реалий XX века, их использования в процессе обучения нового поколения российской молодежи.

Литература

1. *Козлов А.И.* Правда и мифы о М.А. Шолохове. Владикавказ, 2012.
2. Культура в жизни и творчестве М.С. Шагинян. Материалы 1-х Шагиняновских чтений (г. Ростов-на-Дону 3 апреля 2014). Ростов-на-Дону, 2014. С. 22-29, 56-60, 78-96, 120-135.
3. М.С. Шагинян о литературе и писателях. Сост Н.С. Авдулов. Ростов-на-Дону, 2015. С. 220-223.

Содержание

Приветствия участникам

Приветственное слово Елены Шагинян.....	4
Приветственный адрес от имени правления РРОО «Нахичеванская-Дону армянская община».....	5

Сообщения и доклады

<i>Осипова Т.О.</i> Максим Горький в творческом сознании Мариэтты Шагинян.....	7
<i>Стопченко Н.И.</i> Культурологические аспекты «Зарубежных писем» М. Шагинян.....	11
<i>Петров В.С.</i> Журнал «Дон»: Чехов, Шолохов, Шагинян.....	21
<i>Самарина Н.В.</i> М. Шагинян и газета «Приазовский край». 29	
<i>Матвеев Г.А.</i> Армения и армяне в жизни и творчестве М.С. Шагинян.....	39
<i>Смирнов В.В.</i> Публицистика Мариэтты Шагинян: на гребне исторических проблем.....	47
<i>Судликян В.А., Коришанова Е., Шинкаренко Е.</i> М.С.Шагинян об Армении и армянском народе.....	56
<i>Соколова М.Ю.</i> Переписка С.С. Н.С. Лисициан с М.С. Шагинян.	58
<i>Марченко А.П.</i> С чего начинается культура общения народов: ответ находим в творческом опыте М.С. Шагинян.....	62
<i>Авдулов Н.С.</i> Ленинская тема в творчестве М.С. Шагинян...68	
<i>Глушкова С.А.</i> Дневники М.С. Шагинян как источник изучения творческой лаборатории писателя.....	76
<i>Багдыков М.Г.</i> О двух ярких Нахичеванских женщинах – Мариэтте Шагинян и Нине Берберовой.....	81
<i>Тикиджьян Р.Г., Шишова Н.В.</i> Исторические реалии в Литературно-художественных произведениях М.С. Шагинян и М.А. Шолохова: сравнительный анализ.....	89

Литературное наследие Мариэтты Шагинян и современность

МАТЕРИАЛЫ II ШАГИНЯНОВСКИХ ЧТЕНИЙ
(г. Ростов-на-Дону, 3 апреля 2015 г.)

Доклады и сообщения публикуются в авторской редакции

Компьютерная верстка А.А. Васильевой

Сдано в набор 18.05.15. Подписано в печать 25.05.15.
Формат 60х84/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Times»
Печать цифровая. Усл. печ. л. 5,2. Заказ 2701/01.
Тираж 500 экз.

Типография ЗАО «Центр Универсальной Полиграфии»
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 140, офис 109
тел. 8-918-570-30-30